

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ РА
Г О У В П О Р О С С И Й С К О - А Р М Я Н С К И Й У Н И В Е Р С И Т Е Т**

МИСИСЯН СЕРИНЕ СЕДРАКОВНА

**ОСНОВНЫЕ СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «УДИВЛЕНИЕ» В РУССКОМ
ЯЗЫКЕ**

ДИССЕРТАЦИЯ

**По специальности 10.02.04 - «Славянские языки» на соискание
ученой степени
кандидата филологических наук**

Научный руководитель: А.Я. ХАЧИКЯН

доктор филологических наук, профессор

ЕРЕВАН-2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ПОЛЕВОЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ЯЗЫКА	
1.1. Становление и развитие полевого метода в семасиологии	11
1.2. Семантическое поле и его структура	22
1.3. Полевой подход к изучению эмоций в лингвистике	28
1.4. Семантическое поле как способ репрезентации языковой картины мира	29
1.5. Ассоциативное поле как способ моделирования фрагмента языкового сознания.....	31
Выводы по I главе.....	35
ГЛАВА 2. КИНЕСИЧЕСКОЕ ПОЛЕ УДИВЛЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	
2.1. Семантика удивления и способы ее выражения в русском языке	37
2.2. Вербализация кинем удивления в русском языке	43
2.3. Адмиративная оценка и вероятностное прогнозирование	54
2.4. Основные типы адмиративов в русском языке.....	60
2.4.1. Мимические адмиративы	62
2.4.2. Краниальные адмиративы	72
2.4.3. Мануальные адмиративы	73
2.4.4. Корпоральные адмиративы	77
2.4.5. Паралингвистические адмиративы.....	78
Выводы по II главе.....	83
ГЛАВА 3. АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ УДИВЛЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	
3.1. Ассоциативные поля и их классификация	85

3.2. Ассоциативный эксперимент как метод исследования языкового сознания	91
3.3. Ассоциативный эксперимент: описание	102
3.4. Ассоциативный эксперимент: результаты	104
Выводы по III главе	114
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	119
БИБЛИОГРАФИЯ	120
ПРИЛОЖЕНИЕ	139

ВВЕДЕНИЕ

Тема настоящей диссертационной работы находится на перекрестке важнейших дисциплинарных областей современной лингвистики (лингвокультурология, психолингвистика, этнолингвистика, эмотиология).

Данное исследование посвящено рассмотрению вербализованных выражений эмоций человека как носителя определенной культуры в рамках антропоцентрической парадигмы гуманитарной науки.

Смещение парадигмы научного знания в сторону антропоцентризма привело к тому, что объектом исследований (и в частности лингвистических) стал человек, его мировоззрение и взаимоотношения с окружающим миром, его язык и эмоции. Именно поэтому изучение лингвистикой (и многими смежными с ней науками) эмоциональных проявлений в языке способствовало появлению множества научных разработок и психолингвистических открытий.

Актуальность темы исследования обусловлена возрастающим интересом ученых к взаимосвязи эмоционального и рационального в процессе познания человеком окружающей действительности, к феномену эмоций и их роли в когнитивной деятельности индивида. Актуальность исследования определяется также его связью с когнитивно-коммуникативной парадигмой современных лингвистических исследований, основанной на учете преобладающей роли человеческого фактора во всех областях человеческой деятельности, в частности, в плане интерпретации окружающего мира.

Объектом данного исследования является семантика удивления.

Предметом исследования являются основные структурные особенности семантического поля «удивление» в русском языке.

В качестве **научной гипотезы** исследования выдвигаются предположения о том, что:

- Внешние изменения, происходящие с человеком, испытывающим эмоцию удивления, могут быть обозначены в языке лексическими и фразеологическими единицами.
- Лексические и фразеологические единицы, за которыми изначально не закреплено значение выражения эмоции удивления, могут в особом лингвистическом окружении получить дополнительные семантические характеристики и использоваться в качестве адмиратива.
- Для единиц, репрезентирующих эмоцию удивления в языке, характерен семантический синкретизм.
- Структура ассоциативного поля удивления может подвергаться изменениям в зависимости от временного и личностного факторов.

Целью исследования является системное изучение семантики удивления в русском языке.

В соответствии с указанной целью в работе решаются следующие **задачи**:

- ✓ Рассмотреть становление и развитие теории семантического поля.
- ✓ Исследовать многоаспектность и многоуровневость явления эмотивности в языке в целом и репрезентацию эмоции удивления в частности.
- ✓ Изучить адмиративную оценку и «кинесические» способы ее выражения в русском языке.
- ✓ Проанализировать основные элементы и структурно-семантические особенности семантического поля «удивление» и выявить специфику вербализации кинесических проявлений адмиративов в русском языке.
- ✓ Провести структурно-семантический анализ средств репрезентации кинесического поля удивления на основе материала художественных текстов с целью выявления особенностей актуализации адмиративов в художественном тексте.
- ✓ На основе результатов ассоциативного эксперимента выявить особенности ассоциативного поля удивления в русском языке.

Методологической и теоретической основой настоящей диссертационной работы послужили труды:

- основоположников теории семантического поля (*Л. Вайсгербер, Г. Инсен, В. Порциг, Й. Трир* и др.);
- лингвистов, освещающих проблемы семантики (*А.А. Брудный, Р.Р. Грдзелян, В.В. Мадоян, Д.Н. Шмелев*) и языкового сознания (*Л.Б. Матевосян, С.Е. Никитина, И.А. Стернин, Е.Ф. Тарасов*);
- представителей разных подходов к описанию вербализации эмоций (*Н.Д. Арутюнова, В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян, А. Вежбицкая, М. Джонсон, З. Ковечес, Дж. Лакофф, Е.Ю. Мягкова* и др.);
- специалистов в области невербальной коммуникации (*Л.Г. Брутян, А. Вежбицкая, К. Изард, Г.Е. Крейдлин, П. Экман* и др.);
- исследователей способов вербализации эмоции удивления (*Е.А. Брызгунова, Н.В. Дорофеева* и др.);
- ученых, рассматривающих в своих трудах ассоциативные связи и ассоциативные поля (*И.А. Бодуэн де Куртенэ, А. Вежбицкая, В. фон Гумбольдт, А.А. Залевская, Ю.Н. Караулов, А.А. Леонтьев, А.Н. Леонтьев, А.А. Потебня, Э. Сепир, Дж. Р. Сёрль* и др.);
- авторов, предложивших методы анализа и классификации результатов ассоциативного эксперимента (*В.П. Белянин, Е.И. Горошко, Ж.А. Джамбаева, А.Р. Лурия, Г.А. Мартинович, Л. Маршалова*).

Цель и задачи настоящей работы определили выбор следующих **методов анализа**:

- ✓ метод семантического поля;
- ✓ метод контекстуального анализа;
- ✓ метод интерпретативного анализа;
- ✓ метод ассоциативного эксперимента.

Материалом исследования послужили тексты художественной литературы, обнаруженные нами в режиме поиска в сети Интернет по следующим адресам:

- <http://www.ruscorpora.ru/> – Национальный корпус русского языка (НКРЯ);
- <https://books.google.ru/> – Поиск книг Google (GB);
- <https://www.litres.ru/> – Библиотека Электронных книг Литрес (LR);
- <http://books.rusf.ru/> – Русская фантастика / Книжная полка (BR);
- <https://www.liveinternet.ru/> – Крупный сервис дневников и сообществ (LI);
- <https://www.libtxt.ru/> – Библиотека книг (LT);
- <http://studall.org/> – Сайт материалов для студентов (SA);
- <http://www.rulit.me/> – Электронная библиотека (RL);
- <https://www.litmir.me/> – Электронная библиотека (LM);
- <http://polbu.ru/> – Библиотека «Полка букиниста» (PL);
- <http://modernlib.ru> – Электронная библиотека (ML);
- <https://www.livejournal.com/> – Блог-платформа для ведения онлайн-дневников (блогов) (LJ);
- <https://ficbook.net/> – Книга фанфиков. Рассказы о любимых персонажах (FB);
- <http://book-cafe.ru> – Онлайн библиотека (BC);
- <https://www.e-reading.club/> – Большая онлайн библиотека (ER);
- <http://iknigi.net/> – Электронная библиотека (IK);
- <http://www.uhtyshka.com.ua> – Стихи и сказки для детей (UT);
- <http://fontan-humor-odessa.com> – Одесский юмористический журнал (FH);
- <https://www.proza.ru> – Крупнейший российский литературный портал (PZ);
- <https://fanread.ru> – Электронная библиотека фантастики (FR).

В качестве источника языкового материала использованы следующие словари:

- лингвострановедческий (Акишина 1991);
- паремиологический (Мокиенко 2007);
- синонимический (Евгеньева 1970, 1971; Абрамов 1999);
- толковый (Ушаков 1935, 1938, 1939, 1940; Кузнецов 1998, Ожегов 2006);
- толково-словообразовательный (Ефремова 2000);

- фразеологический (Молотков 1986, Яранцев 1997, Быстрова 1998, Телия 2006, Фёдоров 2008, Степанова 2009, Волкова 2014);
- этимологический (Фасмер 1973).

Научная новизна исследования заключается в:

- применении метода семантического поля к рассмотрению объективации кинесического поля удивления в русском языке;
- установлении базовой смысловой структуры модальности удивления – адмиративной оценки;
- определении лексических и фразеологических средств вербального выражения удивления;
- выявлении и классификации единиц – адмиративов, описывающих внешнее проявление (жесты, мимика, поза и др.) исследуемой эмоции;
- изучении специфики фразеологической интерпретации удивления в русском языке;
- проведении ассоциативного эксперимента с целью выявления ассоциативного поля удивления.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что материалы диссертационной работы дополняют и расширяют теоретическую и эмпирическую базу лингвистической эмотиологии применительно к языковой объективации эмоции удивления в русской лингвокультуре.

Практическая значимость данной работы состоит в возможности применения выводов и материалов исследования:

- ❖ при подготовке лекционных и практических занятий по предметам «Введение в языкознание», «Общее языкознание», «Лексикология», «Лингвокультурология», «Введение в межкультурную коммуникацию»;
- ❖ при подготовке учебно-методических материалов к урокам по РКИ;
- ❖ при разработке тематики курсовых и выпускных работ, магистерских диссертаций.

Полученные в ходе исследования результаты могут послужить основой для составления ассоциативного словаря базовых эмоций.

Положения, выносимые на защиту:

1. Внешние изменения, происходящие с человеком, испытывающим эмоцию удивления, закрепляются в языке и образуют периферию семантического поля «удивление».
2. Лексические и фразеологические единицы, за которыми изначально не закреплено значение выражения эмоции удивления, могут в контексте, в особом лингвистическом окружении, получить дополнительные семантические характеристики и использоваться в качестве адмиратива.
3. Разнообразный репертуар мимических, краниальных, мануальных, корпоральных и паралингвистических проявлений, обнаруженных как в ходе анализа художественной литературы, так и в процессе ассоциативного эксперимента, свидетельствует о высокой степени кинесичности русской лингвокультуры.
4. В эмоции удивления превалирует культурная составляющая, что проявляется как в различном количестве и семантике средств его объективации в языке, так и в специфике их дискурсивной активности, особенностях внутренней формы, паремиологической интерпретации.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертационного исследования были изложены на Годичной конференции, посвященной 20-летию РАУ, на Международной конференции, посвященной 70-летию СНО ЕГУ.

По теме диссертации опубликовано 6 статей.

Содержание исследования отражено в структуре диссертации, которая состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и приложения.

Во введении обоснован выбор темы диссертационного исследования, ее актуальность, научная новизна, определены объект и предмет изучения, гипотеза исследования, сформулированы цели и задачи, обусловленные ими методы исследования, представлены научные положения, выносимые на защиту, указаны теоретическая и

практическая значимость работы. Кроме того, сжато изложено содержание трех последующих глав.

В первой главе – «Полевой подход к исследованию семантической структуры языка» – представлены процессы становления и развития полевого метода в семасиологии, изучены основные подходы к семантическому полю и его структуре, рассмотрен полевой подход к изучению эмоций в лингвистике.

Вторая глава – «Кинесическое поле удивления в русском языке» – посвящена исследованию семантики удивления и способам ее выражения в русском языке, а также контекстуальному анализу основных типов адмиративов в русском языке.

В третьей главе – «Ассоциативное поле удивления в русском языке» – рассмотрены основные подходы к классификации ассоциативных полей и представлены результаты ассоциативного эксперимента.

В заключении подведены итоги и обобщены результаты проведенного исследования, намечены дальнейшие перспективы раскрытия темы.

ГЛАВА 1

ПОЛЕВОЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ЯЗЫКА

1.1. Становление и развитие полевого метода в семасиологии

Язык, будучи системно-структурным образованием, представляет собой органическое целое, элементы которого находятся друг с другом в иерархических отношениях. Однотипные элементы и категории объединяются в ярусы языковой структуры (фонетико-фонологический, морфемно-морфологический, лексический, синтаксический).

Лексический ярус в силу своей открытости и многомерности является едва ли не самым сложным для изучения. Многочисленность элементов, не всегда достаточно четкая выраженность отношений между ними создают трудности для описания данного уровня. Именно сложностью лексической системы была вызвана необходимость создания различных моделей ее описания, опирающихся на совершенно разные принципы систематизации лексического состава.

Анализ научной литературы по исследуемой проблематике позволяет выделить следующие подходы к систематизации лексических единиц:

- 1) полевого подход, предполагающий изучение элементов семантического поля на основе выделения ядра и периферии;
- 2) описание взаимосвязи и взаимодействия мельчайших компонентов структуры значения слова;
- 3) изучение лексико-семантических группировок слов посредством выделения общих и дифференциальных семантических признаков.

В соответствии с задачами настоящего диссертационного исследования предполагается рассмотреть историю полевого метода, некоторые основные дефиниции,

подходы и концепции семантических полей в лингвистике, а также представить современные тенденции развития и применения теории поля в лингвистической науке.

Изучив периодизацию теории поля в лингвистике, можно утверждать, что полевой метод в своем развитии прошел несколько этапов. Несмотря на то что методологическое обоснование полевой теории с соответствующим метаязыком дается только в конце первой трети XX столетия, сам метод имеет достаточно долгую историю.

Спустя век после Лейбница, поставившего своей целью создание универсального словаря, в котором слова были бы представлены в соответствии с природой обозначаемых ими вещей, начинают появляться первые опыты эмпирического исследования семантического поля. Так, в 1856 году выходит в свет книга немецкого филолога К. Хейзе, в которой исследуется лексическое поле *Schall*. Поскольку в этом поле выделяются пустые множества, не лексикализованные языком (лакуны), правильнее было бы назвать его концептуальным [Швецова 2015].

По сути, схема К. Хейзе содержит серьезный структурно-семантический анализ, хотя автор, как мы полагаем, не имел такого намерения и, возможно, структурно-полевой метод им был применен интуитивно с целью установления иерархической организации лексической группы *Schall*.

В 1910 году Р. Мейер в статье «Семантические системы» дает первую типологию семантических полей. Автор их называет «системами значений». Эти системы, согласно Мейеру, в зависимости от природы обозначаемых вещей, делятся на «естественные» (наименования представителей флоры и фауны), «полуискусственные» (лексические системы подъязыков рыбаков и охотников и др.) и «искусственные» (названия объектов вторичной природы, окружающей человека) [Шафиков 1999].

Под понятием "система значений" Р. Мейер подразумевает «упорядоченность определенного числа выражений с той или иной точки зрения» [Цит. по: Шафиков 1999: 10].

В деле становления теории и метода семантического поля важную роль сыграло возникновение в 1912 году нового направления – гештальтпсихологии, поднявшей бунт против атомизма классической психологии. Именно гештальтпсихологии лингвистическая

наука обязана отказом от применения атомистического подхода при описании языковых явлений и переходом от диахронного к системно-синхронному языкознанию [Там же].

Таким образом, поворот в сторону изучения лексического фонда языка как структурно-системного образования совпал с общим развитием науки как совокупности знаний о мире.

В этом смысле вполне логичным представляется применение термина "поле" по отношению к языковым явлениям. Употребление этого термина восходит к Г. Ипсену, который определяет его содержание как «совокупность слов, обладающих общим значением» [Цит. по Щур 1974: 22].

Появление этого термина в лингвистике объясняется процессом прямого заимствования из физики в гуманитарные науки: лингвистику, психологию, социологию, биологию.

Согласно другой версии, через гештальтпсихологию произошло опосредованное заимствование.

В любом случае термин "поле", в лингвистике впервые употребленный Г. Ипсеном, полностью соответствует духу времени. Так как в различных контекстах этот термин служит для обозначения разных понятий – "силового поля", "биополя", "психического поля", "поля деятельности", "языкового поля" и др., то целесообразность этого обозначения может вызывать сомнения. К тому же в языкознании оно нередко заменяет термин "система", который лишен ненужной образности.

Сомнения эти, конечно, небезосновательны, однако возрастающее количество работ, авторами которых применяется именно это обозначение, свидетельствует о том, что термин "поле" является неотъемлемой частью концептуальной парадигмы современной семантики, и поэтому, на наш взгляд, нецелесообразно менять существующее обозначение.

Возникновение полевой теории часто связывается с учением Ф. де Соссюра о «значимости языковых сущностей» [Соссюр 1999: 103-107] и с возрождением в XX веке учения В. фон Гумбольдта о «внутренней форме языка», понимаемой как «постоянный и гомогенный элемент в деятельности ума, который поднимает артикулированный звук до

выражения мысли» [Гумбольдт 1984: 43] и «предопределяет закон лексической членимости языка» [Шафиков 1999: 10].

Вслед за В. фон Гумбольдтом и Ф. де Соссюром Й. Трир выдвигает свою концепцию, в основе которой лежит представление о языке как о самостоятельной замкнутой системе, определяющей сущность всех составляющих ее частей. Язык членит мир, существующий в сознании в виде системы понятий, которая представляет содержательную сторону языка и принимает участие в его членении [Башарина 2007].

Каждое из понятийных полей в языке отражается в лексических полях. Последние, покрывают определенные участки понятийных полей, обозначая таким образом их границы.

Благодаря этой способности слов выражать определенные понятия формируется состав лексического поля, выступающего в качестве самостоятельной единицы и занимающей промежуточную позицию между языковой системой в целом и конкретным словом в частности.

Й. Трир считает, что самостоятельность подобных единиц заключается в том, что отдельные слова не могут являться обособленными носителями значения. Каждое слово обладает значением постольку, поскольку этим значением обладают входящие в поле смежные с ним слова.

По мнению ученого, «ни одно произнесенное слово в сознании говорящего и слушающего не стоит отдельно, а всегда имеет связь с близким по содержанию родственным понятием, они образуют между собой и со сказанным словом многосоставное целое, структуру, которую можно назвать семантическим полем или языковым полем символов» [Цит. по: Корнакова 2015: 171].

Из вышесказанного вытекает, что слушающий понимает значение отдельного слова в том случае, если в его сознании наличествует все поле словесных знаков. Иными словами, слово обретает значение только в составе целого поля. Как видим, в концепции Й. Трира наблюдается параллелизм между планами содержания и выражения, однозначная детерминация между понятием и лексемой.

Это позволяет предположить, что в основе выделения Й. Триром семантического поля лежит логический подход.

Установлением такого изоморфизма между лексикой и понятийной сферой обусловлено понимание внутренней формы языка как выражения изменяющегося с течением времени мироощущения его носителей. Например, рассматривая интеллектуальное поле с ядром из трех слов в средневерхненемецком языке – *wisheit* (общее обозначение) – *kunst* «социальное знание и поведение» – *list* «техническое знание и умение», Й. Трир обращает внимание на изменение внутренней формы языка, обусловленное изменениями, произошедшими в данном поле к 1300 году: *wisheit* приобретает религиозно-мистическое содержание, *kunst*, напротив, употребляется для обозначения светского знания, *list* вообще исчезает и на его месте появляется *wissen* «знание искусства» [Шафииков 1999].

Следует отметить, что для Й. Трира термин "семантическое поле" является метафорой, за которой стоит определенный эмпирический материал и соответствующий способ его анализа.

Весьма оригинальной представляется концепция А. Йоллеса, который исходит из наличия в языке значений, которые не могут выражаться отдельными лексемами. Такие значения ученый предлагает обозначать термином "синонимон" (*synonymon*). Под этим термином подразумевается ядро поля, к которому стремятся все его члены.

Синонимон А. Йоллеса постоянно расширяется (в отличие от трировского понимания поля как не изменяющейся во времени содержательной субстанции). Чем важнее становится понятие, конституирующее данную группу, тем большее количество слов втягивается в нее, чтобы как можно полнее выразить конкретный синонимон, например, *links-rechts* в немецком языке, *gauche-droit* во французском языке, *левый-правый* в русском языке [Шафииков 1999].

К месту отметить, что концепция синонимона как минимального семантического поля, состоящего всего из двух членов (заимствованная А. Йоллесом у древнего грамматика Дионисия Фракийского), в конце концов «в пух и прах разбивается И. Триром...» [Там же: 10-11].

Развитие изучения полевого метода также прослеживается в исследованиях В. Порцига, Л. Вайсгербера, Г.С. Щура. Выделяют два традиционных подхода к теории поля – парадигматический и синтагматический (или синтаксический). Первопроходцем среди исследователей синтагматического семантического поля считают немецкого филолога

В. Порцига. Именно поэтому в лингвистической науке синтагматическое поле называют полем Порцига.

Порциговские поля являются словесными комплексами, представляющими собой простые соотношения, состоящие из глагола и субъекта или объекта, прилагательного и существительного. Эти соотношения создают общие значения, называемые ученым элементарными полями значений. Согласно В. Порцигу, языковое значение определяется через его отношения ко всем остальным значениям. При этом В. Порциг (в отличие от Й. Трира) допускает известную самостоятельность слов – членов элементарных полей значений [Башарина 2007].

В. Порцигом введен термин "синтаксическое поле". Первоначально этим термином обозначались основанные на «сущностных связях значений» словосочетания и синтаксические комплексы.

Подобные связи можно обнаружить, например, в сочетаниях глагола с именами существительными и прилагательными: действие – орудие действия (*sehen* «видеть» – *das Auge* «глаз», *greifen* «хватать» – *die Hand* «рука»), действие – субъект действия (*bellen* «лаять» – *der Hund* «собака», *wiehen* «ржать» – *das Pferd* «лошадь») и т. д. Каждое из таких семантических или семантико-синтаксических полей обусловлено лексической валентностью сочетающихся слов и моделью синтаксических отношений [Денисенко 2002].

Существование подобного поля свидетельствует о том, что особенности семантической структуры языка выражаются не только в семантических связях слов, характерных для конкретного языка, но и в ассоциативно-синтаксических связях. Именно поэтому порциговские элементарные поля подразумевают структурно-семантический анализ слов и словосочетаний (производные и производящие единицы), а также форм производности.

С этой точки зрения можно говорить о тесной связи между семантическими полями Порцига и разноуровневыми функциональными (лексико-грамматические) полями, предполагающими анализ средств выражения соответствующей семантической категории.

Различия здесь наблюдаются главным образом между подходами или способами выделения семантического поля. Если В. Порциг исходит из значения конкретных языковых

единиц, то межуровневый анализ исходит из понятия, не соотнесенного с конкретной лексикой. Истоки подобных исследований восходят к Л. Вайсгерберу, рассматривающему разные средства выражения аспектуальности в языках, такие как, например, лексические (разноуровневые глаголы), словообразовательные (например, в русском языке: *звенеть* – *зазвенеть*), грамматические (например, в немецком языке: *er hat geschwommen* “он плыл” – *er ist geschwommen* “он приплыл”) [Шафиков 1999].

Особенность концепции В. Порцига заключается в том, что им применялся собственно-лингвистический подход. Именно поэтому синтагматические поля В. Порцига завоевали широкое признание среди специалистов, чего нельзя сказать о семантических полях Й. Трира. Однако именно трировская концепция, точнее концепция Трира-Вайсгербера, отражающая как преимущества, так и недостатки подхода основоположников к полевой теории, стала предметом бурных дискуссий в лингвистических кругах.

Л. Вайсгербер и Й. Трир сходятся во мнении, что слово – минимальная зависимая единица, существующая только благодаря целому, т. е. лексическому полю. «Чтобы понять значение отдельного слова, – пишет Л. Вайсгербер, – надо представить все поле и найти в его структуре место этого компонента» [Вайсгербер 2004: 10].

Л. Вайсгербер, как и Й. Трир, считает, что слово – неразрывное единство одного имени и одного понятия, тем самым исключая существование полисемии: «в языке нет никаких многозначных слов, давших пищу многим рассуждениям <...> и всякий, изучающий этот язык, вынужден воспринять это членение и повторить его для себя <...> и всякий, кто вырастает в язык, вынужден строить свое видение мира в соответствии с этим предначертанным в родном языке способом» [Там же].

По мнению Л. Вайсгербера, значения слов только препятствуют исследованию понятийного содержания языка, которому должен отдаваться безусловный приоритет. Поэтому при исследовании структурно расчлененных концептуальных сфер, связанных с формированием «интеллектуального образа мира», Л. Вайсгербер резко выступает против рассмотрения семасиологии как науки о значениях слов. Будучи категорически против идеи единства имеющего надъязыковой характер человеческого мышления, ученый аргументирует свою точку зрения неизбежностью искажения смысла при переводе с одного

языка на другой. По его мнению, смысл меняется по той причине, что логика каждого языка вырастает на родной почве, и маловероятно, что в другом языке может иметь место та же логика [Вайсгербер 2004].

Главное отличие вайсгерберского подхода от трировского заключается в способе выделения семантического поля: Й. Трир пользуется ономасиологическим способом, Л. Вайсгербер – семасиологическим, хотя результат тот же – языковое поле, которое образует промежуточный мир (Zwischenwelt) между внешним миром и сознанием человека определенной языковой общности [Шафиков 1999].

Концепция Трира-Вайсгербера продолжала активно обсуждаться до конца XX века.

Анализ научной литературы по исследуемой проблематике позволяет выделить два подхода к исследованию семантического поля: лингвистический и экстралингвистический.

Основоположником экстралингвистического подхода считается Й. Трир, в основе концепции которого, как уже говорилось выше, лежит представление о языке как о самостоятельной замкнутой системе, определяющей сущность всех ее составляющих.

Понятийно-логическому подходу противопоставлено лингвистическое направление, которое основано на использовании связей между значениями отдельных слов, рассматривающихся в качестве самостоятельных единиц языка.

При исследовании лексического яруса языка представители лингвистического подхода применяют различные методы, но в конечном счете все они так или иначе занимаются изучением слов или словосочетаний, групп слов, но не понятий.

Среди представителей лингвистического направления можно отметить:

- Г. Ипсена и В. Порцига, рассматривающих словарный состав языка в качестве совокупности лексико-грамматических и лексико-синтаксических групп слов;
- В. Ройнинга, применявшего методику самостоятельного изучения семантических систем разных языков;
- А. Рудскогера, сводящего понятие "поле" к значениям полисемантического поля.

В 1924 году, когда Г. Ипсен впервые вскользь употребил термин "поле", он, вероятно, и не предполагал, какой переменчивой будет судьба этого понятия, хотя сам изначально под

семантическим полем подразумевал группу слов, объединенных только семантической связью, а позже – как группу слов, связанных между собой не только семантически, но и формально.

Таким образом, не совсем понятно, по какому из критериев – семантическому или формальному – слова должны интегрироваться в одно семантическое поле, хотя принадлежащая Г. Ипсену известная аналогия семантического поля с мозаикой имплицитно семантический критерий: «Как в мозаике, соединяется здесь слово со словом, одно вплотную к другому, так что в итоге их контуры совпадают, и все вместе они восходят к смысловому единству высшего порядка, не опускаясь до гнилых абстракций» [Цит. по: Муллагаянова 2010: 104].

Тем не менее считаем необходимым отметить, что с точки зрения практического применения теория Г. Ипсена ограничена в силу малочисленности групп слов, связанных одновременно и семантически, и формально.

Концепция В. Ройнинга ценна тем, что он изучает семантические поля в сопоставительном аспекте. Так, лингвистические поля приятных эмоций были рассмотрены ученым на материале английского и немецкого языков. Примененный В. Ройнингом сопоставительный метод позволяет выявить сходства и различия словарных множеств разных языков.

Таким образом, ученый фактически выходит за рамки чисто лингвистического исследования, тем самым уделяя особое внимание выявлению и объяснению экстралингвистических факторов [Башарина 2007].

В семантическое поле могут входить не только лексические единицы, но и значения многозначных слов. Так, А. Рудскогер в своем исследовании особое место уделяет анализу семантического объема каждого слова, то есть исследует систему значений одного слова, а не систему семантических отношений ряда слов [Там же].

«Рудскогер обратил внимание на то, что значения слов не представляют собой четко очерченные дискретные единицы, а частично перекрывают друг друга» [Левицкий 2012: 318].

В конечном итоге А. Рудскогер приходит к выводу, что ни в одном слове полисемия не сохраняется полностью, так как его некоторые значения утрачиваются, а само многозначное слово входит в состав одновременно нескольких семантических полей.

В отечественном языкознании весомый вклад в развитие теории поля внесли Г.С. Щур, И.М. Кобозева, М.А Кронгауз и другие ученые-лингвисты.

Так, например, своеобразным обзором основополагающих исследований семантического поля является труд Г.С. Щура «Теория поля в лингвистике», в которой автор анализирует концепции на основе гипотезы о существовании различных типов групп в языке.

В основе объединения элементов в группы, как отмечает Щур, лежат инвариантный и функциональный принципы [Щур 1974]. Большое внимание ученый уделяет проблеме соотношения понятий "поле", "система", "структура", "связи", "отношения", "противопоставления".

Изначально Щур планировал рассмотреть морфосемантические поля в морфологии, однако в ходе исследования выяснилось, что более целесообразно подробнее изучить концепции поля в языкознании.

Работа Щура ценна тем, что, в отличие от других трудов, посвященных данной теме, здесь не просто дается теоретическое обоснование понятия "поле" в лингвистике, но и делается успешная попытка ответить на очень важный вопрос: «Правомерна ли эта категория в языкознании и как она соотносится с другими категориями лингвистического анализа?» [Щур 1974: 3].

Важно отметить, что труд Щура вобрал в себя интереснейшие положения концепций ряда авторов, ранее обращавшихся к данной проблеме. Целью Щура являлось не столько цитирование и использование материала в качестве предмета анализа, сколько предоставление читателю возможности судить о взглядах других исследователей не по чужим интерпретациям, а по собственным высказываниям.

Подход Щура можно назвать в некоторой степени новаторским, ведь он различные теории поля в языкознании анализирует не по авторам, а по методам интерпретации ими материала.

Существенный вклад в развитие теории семантического поля внесла И.М. Кобозева. Новизна ее подхода, на наш взгляд, заключается в том, что, наряду с классификацией свойств семантического поля, автор затрагивает вопрос о его корреляциях.

И.М. Кобозева останавливается на проблеме связи между значениями слов в семантическом поле, различающимися по степени общности. В соответствии с концепцией автора выделяются:

- синонимическая корреляция;
- гипонимическая корреляция;
- корреляция несовместимости;
- корреляция «часть-целое» ;
- антонимическая корреляция;
- конверсивная корреляция;
- корреляция семантической производности [Кобозева 2000].

Мы полагаем, что работа И.М. Кобозевой имеет большое практическое значение, так как представленные в ней корреляции являются общими для самых разных семантических полей. Однако необходимо подчеркнуть, что перечень корреляций, предложенный автором, не является исчерпывающим ввиду того, что существуют корреляции, присущие конкретному семантическому полю.

Практически ориентированным нам представляется также подход М.А. Кронгауза, представленный в аспекте описания семантических полей. Рассматривая интегральный и дифференциальный признаки семантического поля, ученый предлагает варианты минимальных описаний [Кронгауз 2005]. Кроме того, автором представляется достаточно удачный пример описания групп терминов родства. Данная методика ограничена в применении, что можно объяснить отсутствием строгой организации и четкой структуры большинства семантических полей.

Методика описания, предложенная М.А. Кронгаузом, вполне подходит для более простых и более регулярных отношений, однако, на наш взгляд, не может претендовать на универсальность.

Интересной представляется позиция В.А. Звегинцева, рассматривающего семантические поля с точки зрения их функционирования в процессе коммуникации. Подробно представляя механизм преобразования языка в речь, ученый отмечает, что при построении речевых актов, требующих творческих усилий, человек оперирует не словами, а семантическими полями, из состава которых он подбирает нужное слово: «В процессе подыскания нужного слова человек мысленно "бродит" по всем закоулкам имеющегося в его распоряжении семантического поля, испытывая многократные "муки слова", стремясь "поймать за хвост" ускользающее из памяти самое верное, самое точное, самое подходящее для данной ситуации слово» [Звегинцев 1968: 48].

Заслуга В.А. Звегинцева, на наш взгляд, заключается в том, что он, в отличие от своих предшественников, исследует не только феномен существования семантических полей, но и механизм оперирования ими.

Современная интерпретация понятия "семантическое поле" появилась в результате его длительного изучения с различных точек зрения, что, по сути, является исследованием множества взаимосвязанных «измерений» единого поля. Поле сегодня представляет собой одну из основных категорий современной теоретической семантики и является одним из самых распространенных методов системного описания единиц различных языковых уровней.

На сегодняшний день большие перспективы открываются для изучения функционально-семантической интерпретации структуры семантических полей.

В последнее время заметно возрос интерес к синтагматике семантического поля, к изучению закономерностей функционирования его единиц в тексте, что свидетельствует о выходе семантического поля из языка в речь.

В условиях эволюции данной категории и расширения данного понятия назрела необходимость в определении и исследовании семантического поля как текстовой структуры.

Полагаем, что тенденции исследования семантического поля в ближайшем будущем будут развиваться в этом направлении.

Как и любое новаторское явление, теория семантического поля тоже подверглась ожесточенной критике.

По сей день в лингвистической науке нет ни одного обзора теоретических исследований, посвященных полевой проблематике, которое было бы построено на шкале оценок эффективности данного метода. В более поздних теоретических работах, посвященных исследуемой теме, авторы по-разному оценивают вклад основоположников в становление и развитие полевого метода:

- 1) высоко (С. Ульман, С. Эман, К. Ройнинг, Х. Кронассер, Р. Гиро);
- 2) низко (А.А. Уфимцева, М.М. Гухман);
- 3) умеренно критически (Х. Гекелер, Л.М. Васильев, Э. Косериу, А. Лерер).

Тем не менее, несмотря на внушительное количество работ, семантическое поле остается одной из наименее исследованных единиц лексики. В языкознании все еще не установлены строгие границы использования термина "семантическое поле". Он часто используется для обозначения разных объединений слов.

В исследованиях многих ученых объем понятия "поле" оказывается или слишком широким, или весьма узким. В употреблении терминов нет единообразия.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что зародившийся в семасиологии полевой подход к описанию языка, который обычно связывают с именами И. Трира и В. Порцига, в современной лингвистике имеет весьма широкое распространение.

1.2. Семантическое поле и его структура

Предметом исследования современной лингвистической науки являются лексические единицы, объединенные общностью выражаемого ими значения, то есть по семантическому принципу или же на основе функционально-семантического принципа.

Выделенные на основе этих признаков функционально-семантические поля (термин был введен А. В. Бондарко в 60–70-х гг. XX в.) представляют собой семантические системные образования, которые характеризуются специфическими связями и отношениями.

Многообразие отношений между лексическими единицами, объединенными в группы на основе семантического или тематического признаков, привело к терминологической путанице: термин "поле" стал употребляться наравне с терминами "группа", "парадигма", "класс", а семантическое поле начало отождествляться с тематической группой, ассоциативным и концептуальным полями. Однако, на наш взгляд, следует различать эти понятия.

Так, например, семантическое поле намного шире тематической группы. Как отмечает Р.Р. Грдзелян, семантическое поле предполагает наибольшую структурированность объединенных семантической общностью имен, отражает, в первую очередь, сигнификативную сторону знака, в то время как тематическая группа структурирована в меньшей степени и больше обусловлена экстралингвистическими факторами, то есть отражает денотативную сторону знака [Грдзелян 2009].

Семантическое и ассоциативное поля связаны родо-видовыми отношениями, иными словами, семантическое поле частично включает в себя свойства ассоциативного поля.

Концептуальное поле является сложным когнитивным образованием, обладающим разветвленной структурой, включающей мельчайшие частицы смысла, семы, микроконцепты, целые жанровые, фразеологические и ассоциативно-семантические сегменты. Следовательно, семантическое поле может входить в состав концептуального, но никогда не будет совпадать с ним полностью, так как последнее, как уже было отмечено выше, включает также лакуны.

Здесь считаем нелишним представить некоторые, на наш взгляд, заслуживающие внимания определения семантического поля.

В Интернет-ресурсе «Энциклопедия русского языка» мы находим следующее толкование: «Семантическое поле – иерархическая структура множества лексических единиц, объединенных общим (инвариантным) значением и отражающих в языке огромную понятийную сферу» [<http://ruskiyyazik.ru/>].

Согласно словарю лингвистических терминов, семантическое поле – это «самая крупная лексико-семантическая парадигма, объединяющая слова разных частей речи,

соотносимые с одним фрагментом действительности и имеющие общий признак (общую сему) в лексическом значении [Жеребило 2010: 321].

Б.Ю. Городецкий рассматривает семантическое поле как «совокупность семантических единиц, имеющих фиксированное сходство в каком-нибудь семантическом слое и связанных специфическими семантическими отношениями» [Городецкий 1969: 173].

А.М. Кузнецов определяет семантическое поле как «совокупность языковых (главным образом лексических) единиц, объединенных общностью содержания <...> отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [Кузнецов 1990: 381].

В понимании З.Н. Вердиевой, семантическое поле – это совокупность слов различных частей речи, объединенных общностью выражения одного понятия [Вердиева 1986].

Одним из наиболее употребительных в лингвистической литературе является данное Ю.Н. Карауловым определение: «семантическое поле – группа слов, которые в содержательном отношении предопределяют значения друг друга» [Караулов 1976: 237].

Резюмируя вышеизложенное, можно сформулировать следующее определение: поле – это отражающая языковую картину мира совокупность лексических элементов, связанных между собой структурными отношениями и объединенных общностью выражения одного понятия.

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» представлен следующий набор свойств семантического поля:

- связь слов или отдельных значений;
- системный характер связей;
- взаимосвязь и взаимоопределяемость лексических единиц;
- относительная автономность поля;
- непрерывность смыслового пространства;
- обозримость для среднего носителя языка и психологическая реальность

[<http://lingvisticheskiy-slovar.ru/>].

В универсальной онлайн-энциклопедии «Кругосвет» выделены следующие основные свойства:

- Семантическое поле интуитивно понятно носителю языка и обладает для него психологической реальностью.
- Семантическое поле автономно и может быть выделено как самостоятельная подсистема языка.
- Единицы семантического поля связаны теми или иными системными семантическими отношениями.
- Каждое семантическое поле связано с другими семантическими полями языка и в совокупности с ними образует языковую систему [<http://www.krugosvet.ru/>].

Исчерпывающим, на наш взгляд, является перечень свойств семантического поля, предложенный И.М. Кобозевой:

- наличие семантических отношений (корреляции) между составляющими семантическое поле словами;
- системный характер этих отношений;
- взаимозависимость и взаимоопределенность лексических единиц;
- относительная автономность поля;
- непрерывность обозначения смыслового пространства поля;
- взаимосвязь семантических полей в пределах всей лексической системы (всего словаря) [Кобозева 2000].

Из представленных выше свойств следует, что семантические поля, будучи абстрактными конструкциями, обладают сложной структурой – с возможностью взаимопроникновения единиц одного класса в другой.

Все члены поля входят друг с другом в разного рода семантические отношения, которые складываются по отношению к его ядру. Этот характер может варьировать в зависимости от исследуемой группы слов. Однако неизменным параметром семантического поля является его неравномерность, проявляющаяся в неоднородной структуре поля

(имеется в виду как наличие ядра и периферии, так и неравнозначность семантических отношений, в которых находятся члены поля) [Башарина 2007].

Как пишет Н.А. Боровикова, «поле имеет особую структуру – ядро-периферия, – для которой характерна максимальная концентрация полнообразующих признаков в ядре и неполный набор этих признаков при возможном обособлении их интенсивности на периферии» [Боровикова 1989: 4].

Ключевыми в описании семантического поля М.А. Кронгауз считает понятия интегрального и дифференциального признаков [Кронгауз 2005]. Под интегральным семантическим признаком ученый понимает общий для всех членов семантического поля смысл. Дифференциальными признаками служат смыслы, присущие лишь части слов. Именно с помощью дифференциальных признаков могут быть разграничены значения слов конкретного семантического поля.

По мнению З.Н. Вердиевой, «словесные знаки, в смысловой структуре которых доминирующее положение занимает признак, совпадающий с понятием, интегрирующим поле, образуют его ядро. Словесные знаки, содержащие этот признак в субординативной позиции, относятся к периферии поля» [Вердиева 1986: 4].

Общий с понятием семантический признак выражается ядром. Выделение периферии осуществляется посредством выявления вторичных семантических признаков, определяемых с помощью контекста. Как справедливо отмечает В.В. Мадоян, «...семантика слова окончательно конкретизируется в предложении, хотя иногда может конкретизироваться и в словосочетании. Если оно не устанавливается в предложении, оно устанавливается всем текстом» [Мадоян 2016: 96].

А.М. Кузнецовым предлагаются следующие критерии разграничения центра (ядра) и периферии семантического поля:

- центральные слова достаточно просты по своему морфологическому составу;
- они обладают достаточно широкой сочетаемостью;
- они обладают большой психологической важностью для носителей языка;
- слова, представляющие собой недавние заимствования из других языков, скорее всего, не относятся к центральным;

- значение одного из центральных терминов не может быть уже любого другого понятия, включенного в данное поле, кроме ядра – темы данного семантического поля [Кузнецов 1980: 77-78].

Характерной особенностью полей является их пересечение друг с другом. Как справедливо отмечает Ю.Д. Апресян, из одного поля можно попасть в любое другое семантическое поле «через более или менее длинную цепочку посредствующих звеньев» [Апресян 1995: 252].

Из данного определения можно сделать вывод о том, что границы семантических полей размыты, а семантическое пространство непрерывно.

1.3. Полевой подход к изучению эмоций в лингвистике

Общеизвестно, что вся история науки – смена парадигм. В настоящее время в науке господствует антропоцентрическая парадигма, которая оказывает влияние на все науки, в частности на науки социально-гуманитарного цикла. Лингвистика не исключение.

Современное языкознание нацелено не на изучение «языка в человеке», а на изучение «человека в языке», поэтому перед исследователем стоит важная задача – рассмотреть язык в тесной взаимосвязи с человеком, его мышлением, психикой, внутренним миром.

В связи с этим, начиная с 90-х годов XX века, одной из наиболее актуальных областей исследования для ученых становится лингвистика эмоций, изучающая проблемы номинации, языкового выражения и лингвистического описания, вопросы овнешнения эмоций.

В русле этого направления стали появляться научные разработки, направленные на изучение эмоциональной жизни *homo sentiens* (с лат. *существо чувствующее*) и ее отражение в языке.

В конце XX в. – начале XXI в. В.И. Шаховский разработал первую в истории русского языкознания лингвистическую теорию эмоций, в основе которой лежит единая методология категоризации эмоций в лексико-семантической системе языка.

Лингвистическая теория эмоций стала результатом взаимовлияния философской и психологической парадигм. В рамках эмотивного подхода к языку эмоция понимается как

форма аксиологического отражения действительности, а психологическое переживание эмоций – как особый психический пласт, надстраивающийся над познавательным образом.

Согласно концепции В.И. Шаховского, наибольший интерес для лингвистической теории эмоций представляют:

- динамика языкового кода;
- развитие и реализация скрытых возможностей языкового кода;
- эмоциональная специфика речи в разных условиях общения;
- механизмы распознавания чужих эмоций и управления собственными эмоциями в процессе коммуникации;
- согласование эмоций разного качества;
- стимуляция положительных и нейтрализация отрицательных эмоций в актах межличностного, институционального и межкультурного общения [Шаховский 2008].

Как справедливо отмечает В.И. Шаховский, «методологический аспект категории эмотивности заключается в том, что она может служить ключом к анализу внутренней формы слова (языка), а через нее – ключом к анализу человека» [Шаховский 1987: 237].

По мнению ученого, лингвистика эмоций исходит из того, что человек является активным отражающим субъектом, его язык – средством отражения, а эмоции – формой отражения оценочного отношения к миру, то есть формой его семантической интерпретации. С этой точки зрения эмоции человека являются архиважным компонентом так называемого человеческого фактора в языке [Там же].

Для лингвистического описания психических (эмоциональных) состояний и для репрезентации эмоциональных концептов на сегодняшний день самым применяемым в языкознании методом является полевой подход.

М.И. Лазариди рассматривает эмоции с точки зрения их объединения в номинативно-функциональное поле, определяемое им как «система средств различных уровней языка, объединенных на семантической основе и строящихся в строгой иерархии на основе инвариантного значения» [Лазариди 2010: 50-51].

Инвариантное значение номинативно-функционального поля представляется глубинной семантической структурой, которая проявляется на поверхностном уровне в виде исходной модели (ядро поля). Различные модификации исходной модели образуют центр и периферию поля [Там же].

Таким образом, ядро – ключевой структурный элемент номинативно-функционального поля. В ядро (ввиду базисного статуса в психологической и лингвистической науках) входят как употребляемые в языке фундаментальные эмоции, так и их синтаксические структуры. Центр исследуемой модели логически перемещается в сторону синонимов ядерного понятия, что также предполагает рассмотрение их функционирования в языке. Присущие ядру и центру свойства представляют собой концентрацию семантических признаков и их максимальную функциональную нагрузку.

В зону периферии же входят выразительные движения, которые помогают идентифицировать эмоцию, а также указывающие на нее прямо или косвенно фразеологическую структуру и метафорическую модель.

Мы разделяем мнение Г.С. Муллагаяновой о том, что для анализа языковых единиц, обозначающих эмоции, эксплицируемые говорящим, наиболее подходящей является структура номинативно-функционального поля, предложенная М.И. Лазариди [Муллагаянова 2010]. Однако необходимо учитывать, что модель номинативно-функционального поля может видоизменяться в зависимости от специфики выражаемой эмоции.

Говоря о способности языковых единиц называть эмоциональные состояния, считаем необходимым обратить внимание на существование номинативно-семантического поля, структуру которого, по аналогии с номинативно-функциональным полем, составляют лишь номинативные единицы, обозначающие эмоции эксплицитно. Таким образом, функциональный аспект поля заменяется семантическим.

Особенность данного подхода заключается в том, что исследователем изучается номинативная лексика эмоций, используемая говорящим в речи. Первое преимущество семантической составляющей состоит в том, что с ее помощью представляется возможным выявить определенные различия между используемыми в речи номинативными единицами,

находящимися друг с другом в синонимических отношениях. Второе преимущество заключается в возможности сопоставления значений в рамках сопоставительно-типологического анализа.

В ядро номинативно-семантического поля входит категориально-эмотивная лексика, содержащая все производные от рассматриваемых в рамках определенного поля базовых эмоций. К примеру, рассматривая номинативно-семантическое поле удивления, мы определили его структуру: ядерная часть поля представлена лексемой "удивление" (в силу базовости эмоции и с учетом частотности ее употребления в речи), а однокоренные слова типа *удивительно, удивляюсь, удивительный* и др., принадлежащие к разным грамматическим классам, являются составляющими ядра; центр, или ближайшая периферия, состоит из дифференциально-эмотивной лексики, или синонимов базовой эмоции и их производных (*изумление, недоумение, ошеломление* и др.).

При исследовании крайней периферии, на наш взгляд, необходимо учитывать лишь те выразительные движения, фразеологические единицы и метафоры, которые сами называют эмоцию удивления либо в рамках одного предложения используются вместе с прямыми номинациями данной эмоции. Например, *«У меня от удивления челюсть отвисла»*, *«Я от недоумения потерял дар речи»* и др. Таким образом, с помощью моделирования номинативно-семантического поля каждой из базовых эмоций можно не только установить парадигматические связи, характерные для той или иной эмоции в конкретном языке, но и выявить специфику их семантики.

1.4. Семантическое поле как способ репрезентации языковой картины мира

Семантическое поле – форма структурирования единиц, принадлежащих лексическому уровню языка. Основой интеграции слов в состав поля служат понятия, материальным воплощением которых и являются сами слова. Последние находятся в синтагматических и парадигматических отношениях друг с другом и объединяются в языке или речи благодаря отдельным значениям. Так осуществляется объединение слов в поле по признаку семантического сходства.

Таким образом, значение слова и соответствующее ему понятие являются основным критерием при выделении семантического поля.

В качестве подтверждения приведем определение, данное З.К. Тарлановым: «Семантическое поле – это компактная часть словаря, покрывающая какую-то определенную "понятийную сферу" данного языка. Оно неповторимо, управляется своими внутренними законами и реализует свою "картину мира", не совпадающую с аналогичным явлением как в разных языках, так и в истории одного и того же языка...» [Тарланов 1988: 20].

В структуре поля выделяются семы – элементы, которые более конкретны по сравнению со значениями и понятиями. Под семой следует понимать «отражение в сознании носителей языка различных черт, объективно присущих денотату либо приписываемых ему данной языковой средой и, следовательно, являющихся объективными по отношению к каждому говорящему» [Гак 1971: 95].

Из данного Гаком определения вытекает, что семантическое поле представляет действительность, вербализованную средствами языка, и отражает национальное мышление, мировоззрение носителя определенного языка и культуры. Иначе говоря, семантическое поле является способом репрезентации языковой картины мира.

Учитывая тот факт, что между концептуальным и языковым содержанием определенной лингвокультуры могут быть различия, можно прийти к выводу, что семантическое поле, будучи способом репрезентации языковой картины мира, во многом зависит от национального мышления.

Обобщив вышеизложенное, можно определить семантическое поле как совокупность сем, которые объединяются общностью определенной понятийной сферы языка. Семы, в свою очередь, характеризуются структурно-функциональной направленностью и отражают мышление конкретного народа.

Сама структура поля является репрезентантом аксиологических категорий. Его ядро и периферия «...выступают как овнешнители языкового сознания. Дифференцирующие национально-культурные ценности оформлены временем, они составляют сущность менталитета этноса и отличают его от других этносов» [Привалова 2002: 13].

Таким образом, структурные составляющие поля, с помощью которых частные семантические признаки интегрируются в более общие, «являются коррелятами доязыковой идеальной действительности и посредством языковых единиц отражают объективную реальность» [Рубцов 2008: 234].

Семантическое поле – многоаспектное явление. По мнению В.Н. Денисенко, семантическое поле нужно рассматривать по трем осям – парадигматической, синтагматической и эпидигматической. Кроме того, при реконструировании поля следует брать во внимание и ассоциативные связи слов, и субъективный фактор, т. е. отношение говорящего как к реальности, так и к высказыванию и собеседнику. В этом случае «поле реконструируется не само в себе, а в его связи с другими полями и языковой картиной мира в целом, входящей в структуру языковой личности» [Денисенко 2005: 96].

Итак, семантическое поле может репрезентироваться не только с помощью собственно лингвистических (парадигматические, синтагматические и др.) связей, но и с учетом экстралингвистических факторов. Поля – это не строго системные образования, а проявление языковой репрезентации действительности, способной к трансформации в зависимости от экстралингвистической реальности.

1.5. Ассоциативное поле как способ моделирования фрагмента языкового сознания

Языковое сознание – понятие, широко используемое в современных лингвистических исследованиях. Однако, несмотря на достаточную изученность данного понятия, в лингвистической науке до сих пор нет единого мнения касательно его содержания.

Можно выделить два подхода к изучению языкового сознания. Первый подход предполагает обобщенное описание значений и употребления языковых единиц без учета психологических особенностей индивида, порождающего речевое высказывание, и психологической реальности выполняемого описания. Результаты подобных описаний фиксируются в словарях и грамматиках и функционируют в качестве языковой нормы.

Второй подход основывается на психолингвистическом описании языковых фактов и отражает результаты экспериментальных исследований, в частности ассоциативных. Этот

подход представляется нам исключительно интересным и нетрадиционным. Его сильная сторона, на наш взгляд, состоит в том, что он позволяет охарактеризовать структуру системы в целом, выявить культурные особенности ее организации, изучить ментальную историю конкретной нации.

Согласно определению, предложенному С.Е. Никитиной, языковое сознание – это «такое образование, где ни язык, ни мысль не существуют сами по себе, но в качестве целостного развивающегося образования» [Никитина 2006: 200].

В понимании И.А. Стернина, языковое сознание – совокупность психических (ментальных) механизмов, обеспечивающих процесс речевой деятельности человека; знаний, используемых коммуникантами при производстве, восприятии и хранении речевых сообщений [Стернин 2002].

В Московской школе принято определение, данное Е.Ф. Тарасовым, согласно которому языковое сознание – это опосредованный языком образ мира той или иной культуры, т. е. «совокупность перцептивных, концептуальных и процедурных знаний носителя культуры об объектах реального мира» [Тарасов 2000: 4]. Это означает, что «знания о языке как системе социальных ориентиров являются также частью языкового сознания» [Уфимцева 2006: 112].

По определению Е.В. Ильиной, языковое сознание – это макроуровень репрезентации концептов [Ильина 2015]. Будучи ментальной единицей, имеющей, как правило, языковую объективацию, концепт находится в тесной взаимосвязи с понятием "языковое сознание".

Как справедливо отмечает А.Л. Шарандин, языковое сознание определяется осмыслением языка как специфического объекта действительности, а не только признанием за ним функции средства ее отражения. Это позволяет говорить о существовании языковых концептов, которые репрезентируются определенными формами мышления и влияют на фокус рассмотрения реальности.

Таким образом, человеческое мышление характеризуется способностью к перекодировке концептов универсального предметного кода в языковые концепты. Языковое сознание детерминирует вербализацию концептов посредством слова – языкового знака. Именно благодаря языковому сознанию становится возможной трансляция концепта в его

семиотической кодификации посредством слова и рассмотрение языка как отдельного объекта познания [Шарандин 2013].

Н.Ф. Алефиренко рассматривает языковое сознание как «особый когнитивный феномен, некое концептуальное пространство и производную этнокультурного сознания как комплексного результата отражения действительности» [Алефиренко 2009: 112]. Ученым для определения языкового сознания приводится следующая метафора: «Языковое сознание – это полигон, а языковые знаки – средство для смыслопорождающей деятельности в процессе решения познавательных задач в целях дальнейшего освоения окружающего мира» [Алефиренко 2004: 64].

Ученый также обращает внимание на тот факт, что языковой знак со своей семиотической природой выражает специфическую форму языкового сознания, фиксирующего историко-культурный опыт нации.

По сути, каждый язык представляет собой оригинальную национальную знаковую систему, и, как справедливо отмечает А.Я. Хачикян, «знание этой системы нам бывает крайне необходимо для межличностного взаимопонимания при общении с представителями различных культур» [Хачикян 2013: 3].

Будучи элементами сознания, *понятие* (conceptus) и *концепт* (conceptum) служат смысловым и конструктивным ядром любого концептуального пространства (концептосферы), в том числе и языкового сознания. Это выражается в том, что они замыкают на себе всю систему смысловых координат сознания в его парадигматических, синтагматических и этнокультурных связях [Там же].

Из вышеизложенного следует, что границы языкового сознания напрямую зависят от возможностей вербального отражения актов рецепции и процессов переработки информации. Таким образом, «овнешненное» содержание сознания является принадлежностью языкового сознания.

Тезис о принципиальной возможности языкового воплощения любой идеи встречается еще в работах В. фон Гумбольдта. Н.В. Уфимцева, в свою очередь, изучая языковое сознание русских на материале лексических ассоциаций, прежде всего обращает

внимание на лексикализованное, т. е. обозначенное единицей лексикона, содержание сознания [Уфимцева 2002].

«Получаемое в результате проведения ассоциативного эксперимента ассоциативное поле того или иного слова-стимула – это фрагмент образа мира того или иного этноса, отраженного в сознании «среднего» носителя той или иной культуры, его мотивов и оценок и, следовательно, его культурных стереотипов» [Уфимцева 2007: 140].

Цель ассоциативных экспериментов – исследование памяти, запаса слов, процессов генерации речи и рецепции информации. Богатый материал, полученный в ходе ассоциативных экспериментов, отражает национальные и культурные особенности языкового сознания носителя конкретного языка.

И.А. Стерниным ассоциативный эксперимент рассматривается как единственно возможный объективный метод изучения языкового сознания. Ассоциативный эксперимент, по мнению ученого, позволяет реконструировать связи языковых единиц в сознании и определять характер их взаимодействия в процессах его функционирования (понимание, хранение и др.) [Стернин 2002].

Ассоциативные реакции респондентов на определенное слово-стимул отражают «объективно существующие в сознании испытуемых и в языке связи между словами» [Леонтьев 1992: 21]. Наиболее часто встречающиеся реакции включают в себя основные семантические характеристики стимула.

В структуру ассоциативного поля входят ядро, центр и периферия, состоящие из ассоциатов, которые входят друг с другом в иерархические, парадигматические и синтагматические отношения. Ядро ассоциативного поля состоит из наиболее значимых частотных ассоциаций. Периферию ассоциативного поля составляют менее частотные ассоциации.

Несмотря на то что в ходе анализа результатов ассоциативного эксперимента особое внимание уделяется частотности реакций, на наш взгляд, следует брать во внимание также единичные реакции, так как они продолжают направления ассоциирования, намеченные ассоциациями центральной ассоциативной зоны. Для выявления специфики ассоциативных структур языка необходимо произвести комплексный анализ всех реакций.

Из вышеизложенного вытекает, что лексическое ассоциирование отличается системностью, основанной на ряде стратегий ассоциирования, которые используются носителями языка при построении речи. Лексическое ассоциирование, в основе которого лежит внутренняя семантическая упорядоченность различных лексических группировок, характеризуется:

- ✓ структурным единообразием выявляемых ассоциативных полей у стимулов, относящихся к одному и тому же лексико-грамматическому классу;
- ✓ совпадением значительного круга реакций у большого числа респондентов из числа носителей языка;
- ✓ типологическим сходством в ассоциировании.

Ассоциативное поле является способом моделирования фрагмента языкового сознания. Если одним из самых результативных методов исследования языка считается моделирование семантических полей, то самым эффективным методом исследования мышления индивида, на наш взгляд, является моделирование ассоциативных полей, так как они отражают существующие в человеческом сознании и подсознании глубинные связи и отношения между различными понятиями и явлениями окружающей действительности.

ВЫВОДЫ ПО I ГЛАВЕ

- В лингвистике объектом изучения служат как отдельные языковые поля, так и полевой характер языка в целом; проводимые исследования позволяют представить языковую систему как совокупность полей, которые отличаются многоуровневостью.
- Лексическая система определенного периода является относительно замкнутой, и в ней слова наделены значением не изолированно, а в определенной взаимосвязи.
- Языковая система складывается из двух соотносительных полей (понятийное поле и словесное поле, покрывающее понятийное поле). Эти поля находятся друг с другом в тесной взаимосвязи и тем самым образуют лексическую систему языка.
- Критерием взаимосвязи лексических единиц и их включения в определенную группу служат лексическое значение (различные значения одного слова в случае полисемии),

семантический признак, варианты и компоненты значения и многое другое. Общим элементом могут выступать также понятия, ситуации и темы.

- Признаки, образующие семантическое поле, можно разделить на две группы: лингвистические, которые так или иначе связаны с лексическим значением, и экстралингвистические, которые ориентированы на понятийную, предметно-тематическую и другие сферы.
- Ассоциативный эксперимент, будучи одним из наиболее эффективных и отработанных экспериментальных методов исследования структуры языкового сознания, применяется с целью выявления ассоциаций, сложившихся в предшествующем опыте индивида, и позволяет определить характер взаимодействия языковых единиц в различных процессах генерации, рецепции и понимания речевых высказываний.
- Ассоциативный эксперимент открывает систематизированную картину мира, отражающую иерархию ценностей как отдельной языковой личности, так и целого народа.

ГЛАВА 2

КИНЕСИЧЕСКОЕ ПОЛЕ УДИВЛЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

2.1. Семантика удивления и способы ее выражения в русском языке

Эмоция *удивления*, будучи одной из базовых эмоций, неоднократно становилась предметом изучения лингвистов. При этом до сих пор нет исчерпывающего лингвистического описания данной эмоции. Большая часть работ носит фрагментарный характер.

Попытки создать идеографический словарь, или тезаурус, содержащий наиболее полный перечень слов и выражений эмоции удивления, не увенчались успехом в силу ряда причин: недостаточной разработанности универсальных семантических критериев для классификации имеющегося материала; отсутствия экспликаций употребления и сочетаемости слов и выражений и др.

Распространенный метод исследования – описание отдельных языковых или речевых особенностей выражения эмоции удивления – также оказался недостаточным ввиду отсутствия опоры на общее лексико-семантическое поле удивления.

К описанию вербализации эмоций в целом не существует единого подхода. Основополагающими на данном этапе развития лингвистической науки являются смысловой/прототипический (А. Вежбицкая) и метафорический (Н.Д. Арутюнова, М. Джонсон, З. Ковечес, Дж. Лакофф) подходы. Исходя из того, что ни один из них не является исчерпывающим, наиболее продуктивным мы считаем их синтез, предложенный в работах Ю.Д. Апресяна и В.Ю. Апресян.

Удивление – одна из самых сложных в числе базовых эмоций. Одной из особенностей эмоции *удивления* является отсутствие противоположной эмоции. Эта особенность не дает возможности установить оппозиции, которые позволили бы выделить существенные для *удивления* параметры.

К спорным вопросам можно отнести проблему взаимоотношения *удивления* со смежными явлениями (любопытство, любознательность). В научной литературе принято выделять два подхода к решению данного вопроса.

Представители первого подхода рассматривают *удивление* как безусловно-рефлекторную первичную реакцию, которая, как правило, впоследствии приводит к любопытству [Ильин 2001].

Второй подход примечателен тем, что в эмоции удивления выделяются две области:

1) *собственно удивление*;

2) *страсть к удивлению*, которая выражается в эмоциональных значениях: *любопытство* (желание испытать удивление) и *любопытность* (стремление к познанию) [Ушинский 1974].

И.А. Васильев, выделяя три стадии возникновения и развития эмоции *удивления*, рассматривает ее как сложную эмоцию, имеющую несколько областей [Васильев 1976].

Первая стадия – *недоумение*, возникающее при относительно малой уверенности в правильности прошлого опыта в случае несогласования некоторого явления с этим опытом.

Вторую стадию И.А. Васильев связывает с «*анормальным*» *удивлением*, являющимся следствием заострения противоречия, осознания несовместимости наблюдаемого явления с прошлым опытом.

Третья стадия – *изумление*, возникающее в случае абсолютной уверенности в правильности предыдущих результатов мыслительного процесса и прогнозирования результатов, противоположных возникшим. Изумление часто протекает как аффект и сопровождается определенными реакциями (физиологические, психологические) [Там же].

Сложность и разноплановость эмоции удивления отражается также в способах передачи ее семантики. В устной коммуникации средствами выражения удивления являются лексическое и синтаксическое наполнение высказывания, а также интонация, мимика и жесты; в письменной коммуникации – графические средства и авторские ремарки, в которых отражаются характерные особенности речи и поведения испытывающего эмоцию удивления человека.

В числе лексико-грамматических маркеров эмоции *удивления* считаем необходимым отметить следующие группы лексических и синтаксических единиц:

1. **Глагол речи-мысли *удивиться*, а также его синонимический ряд (*изумиться, поразиться и др.*).**

А что мы там будем делать? – удивилась Инга. (Л. Матрос) [GB]

– Откуда вы меня знаете? – изумилась она, в первую минуту не угадав случайного совпадения. (Л. Улицкая) [НКРЯ]

*Изучая основу живой материи – клетку, ученые **поразились**, как много в ней «лишнего», отжившего, оставшегося от глубочайшей древности.* (А. Светланов) [НКРЯ]

Для обозначения высокой степени удивления – *изумления* используются глаголы, являющиеся средством передачи просодических характеристик (высокий тон голоса, низкая интенсивность и четкость речи) в письменной речи [Светозарова 2000].

*Жозеф принес планы, граф начал их лениво рассматривать и вдруг **вскрикнул** от удивления.* (А. Апухтин) [НКРЯ]

Изумление часто выражается глаголом *ахнуть*.

*– Хочешь мороженого? – Открыла дверцу холодильника – и Митя **ахнул** от удивления. Какого только мороженого в нем не было! В пачках! В трубочках!* (Л. Сапожников) [НКРЯ]

2. **Местоименные слова *что* и *как* в функции частиц** [Брызгунова 1984].

*Он больше не работает с нами. – **Что?** Не работает? (или) **Как?** Не работает?*

3. **Высказывания с частицами *разве, неужели*** [Брызгунова 1984].

*Когда Эдик вышел из окружения, в Москву примчалась не жена, а теща. **Разве** это нормально? (Ю. Нагибин) [НКРЯ]*

4. **Повтор компонентов предшествующего высказывания** [Брызгунова 1984].

– Я читала в журнале его статью о людях, которым все разрешается. Мне приносил Разумихин. – Господин Разумихин? Статью вашего брата? (Ф. Достоевский) [НКРЯ]

5. **Особенности мимики и жестов, характерных для испытывающего удивление человека (*вытаращить глаза, разинуть рот, вытянуть лицо, поднять брови*).**

Секретарь вытаращил глаза на арестанта и не дописал слова. (М. Булгаков) [НКРЯ]

6. Метафоры и фразеологические единицы, содержащие сему удивление (глаза на лоб лезут, ослобенеть, не верить своим ушам/глазам, диву даваться).

Я слушаю и ушам своим не верю. Кулон оказался поддельным, и я, по всей вероятности, не исключена такая возможность, вместе с Петровым припрятал подлинник... (Ю. Азаров) [НКРЯ]

Анализ изученной литературы показал, что фразеологические и метафорические единицы далеко не всегда отмечаются как средства передачи семантики удивления. Данные единицы зафиксированы в словарях в синонимических рядах с доминантой удивиться [Абрамов 1999].

7. Клишированный компонент *а мне сказали, что...; а я думал, что...* в сочетании с некоторыми интонационными конструкциями (ИК-4, ИК-6), используемый, если речь идет об ожидаемом событии [Брызгунова 1984].

Он с ходу воскликнул:

– А мне сказали, что ты умер!..Вот уж, иначе не выразишься, поистине чудеса! (В. Алейников) [НКРЯ]

Следует отметить, что лексико-грамматические средства выражения семантики удивления могут быть представлены в различных контекстах, параметрами классификации которых являются:

- ✓ разграничение фона и фигуры;
- ✓ типы эмоционально событийного сценария.

...почтмейстер тоже отступился и посмотрел на него с изумлением, смешанным с довольно тонкой иронией. (Н. Гоголь) [НКРЯ]

Афанасий Иванович был совершенно поражен. (Н. Гоголь) [НКРЯ]

В контекстах первого типа особый интерес представляет соотношение фона (действие, сопровождаемое, окрашенное эмоцией) и фигуры (языковой способ выражения эмоции).

В контекстах второго типа *удивление* представляется в качестве отдельного самодостаточного переживания, не окрашивающего какое-либо событие. В таком случае эмоция сама по себе является событием, а ее типы рассматриваются как звенья развернутой причинно-следственной цепочки, которая включает:

- событие, вызвавшее эмоцию;
- собственно эмоцию;
- реакцию.

Интонация эмоции *удивления* в устной речи по своим характеристикам схожа с интонационным оформлением вопросительных предложений. Однако следует отметить, что есть определенная разница между интонационными характеристиками общего вопроса и удивления (для удивления характерен более высокий регистр, замедленный или, напротив, быстрый темп речи) [Светозарова 2000].

В качестве наиболее типичных для выражения удивления интонационных конструкций Е.А. Брызгунова отмечает нейтральные реализации ИК-3, ИК-4, ИК-6, а также эмоциональные реализации ИК-2, ИК-3, ИК-4 [Брызгунова 1984].

В литературе, посвященной интонационному оформлению эмоций, господствует точка зрения о том, что эмоциональные высказывания в устной коммуникации выступают как несобственно-восклицательные – т. е. нет никаких графических знаков, указывающих на восклицание. Тем не менее во время воспроизведения оттенок восклицательности проявляется.

Обобщив вышесказанное, отметим, что удивление является одной из самых сложных и не в полной мере изученных базовых эмоций, в частности в плане интонационного оформления.

В процессе решения задач настоящего диссертационного исследования нами была проведена выборка лексических и фразеологических единиц, реализующих семантику удивления. Обнаруженные в толковых, синонимических, тезаурусных, ассоциативных, фразеологических словарях и в текстах художественной и публицистической прозы единицы позволили определить ядро и периферию семантического поля «удивление».

Как именем, так и ядром поля является существительное *удивление*. Однако, как отмечает С.Г. Воркачев, этот номинант, как всякое любое слово, представляет собой «элемент лексико-семантической системы языка и реализуется в составе определенной лексической парадигмы, позволяющей интерпретировать его как имя смыслового ряда, образованного синонимами, соотносимыми с семантикой этого слова» [Воркачев 2001: 68].

В русском языке синонимический ряд существительных, обозначающих изучаемую эмоцию, представлен существительными *удивление, недоумение, изумление, ошеломление*, обозначающими разные стадии возникновения и развития данной эмоции, а также другими лексическими единицами (в том числе просторечными), относящимися к изучаемой лексико-семантической группе.

Номинанты удивления в русском языке имеют деривационные связи со следующими лексемами:

- глаголами: *удивлять/удивить(ся), недоумевать, изумлять/изумить(ся), ошеломлять/ошеломить(ся)*;
- прилагательными: *удивительный, недоуменный, изумительный, ошеломительный*;
- наречиями: *удивительно, недоуменно, изумительно, ошеломленно*.

Следует отметить, что в русском языке все частеречные и словообразовательные реализации номинантов исследуемой эмоции составляют ядро денотативного поля, представляющего собой лексико-семантические пространства, сконструированные на основе различных (эпидигматические, синтагматические и парадигматические) отношений существительных *удивление, недоумение, изумление*.

Единицы, составляющие ядро семантического поля «удивление», изучены в ряде исследований (Дорофеева 2002; Мезенцева 2005; Алексеев, Нечепуренко 2013 и др.).

В этой связи считаем целесообразным подробнее остановиться на периферии, представляющей особый научный интерес (см. раздел 2.4).

2.2. Вербализация кинем удивления в русском языке

В лингвистической науке существуют проблемы, которые никогда не перестают быть актуальными. К таким проблемам можно отнести изучение речевой деятельности человека в совокупности со всеми явлениями, сопровождающими устное общение людей; ход передачи информации в процессе коммуникации.

Особый интерес представляют околоречевые явления, имеющие место в процессе коммуникации. Ведь для исследователей важны факторы, влияющие не только на форму, но и на содержание речевого высказывания.

Для того чтобы общение между индивидами состоялось, необходимы определенные средства, благодаря которым устанавливается и поддерживается связь. Средства общения можно разделить на две большие группы: вербальные (словесные) и невербальные.

В числе вербальных особое место занимает речь, которая характеризуется содержательностью и богатством языковых средств. Однако важнейшей составляющей общения является применение в коммуникативном акте невербальных средств.

Большинство исследователей придерживаются того мнения, что сам акт передачи информации осуществляется с помощью словесного канала, а контакт между личностями поддерживается при помощи невербального канала. Однако следует отметить, что в некоторых случаях невербальный канал может быть использован вместо словесного выражения. Как справедливо отмечает Л.Г. Брутян, «...сама жизненная практика опровергает мнение о том, что невербальные средства выражения играют якобы только второстепенную роль» [Брутян 2015: 4].

К вопросу о природе невербальной коммуникации человека существуют два принципиально разных подхода. Первый из них развивается в русле социальных и гуманитарных наук. Специалисты в этих областях (*Л. Абу-Луход, Л.Г. Бабенко, О.О. Будянская, А. Вежбицкая, Е.И. Горошко, Н.А. Красавский, Е.Ю. Мяжкова, В.И. Озюменко, Т.В. Писанова, Н. Фрийд, В.И. Шаховский* и др.) отстаивают тезис о полной

социальной детерминации языка тела (жестовая коммуникация принадлежит конкретной культуре и определенной языковой группе).

Вторая группа исследователей (*К. Изард, Л. Космидес, Дж. Тооби, П. Экман*), занимающихся естественными науками, уделяет особое внимание биологическим основам поведения человека и приводит ряд аргументов в пользу существования целого класса невербальных универсалий – движений, выполняемых примерно одинаково представителями различных народов и в равной мере понятных носителям различных культур.

Чарлз Дарвин считал эмоциональные выражения (речь идет прежде всего о мимике) врожденными и универсальными для всех человеческих культур [<http://www.krugosvet.ru/>].

С этим трудно не согласиться, ведь плач, смех, улыбка, выражение радости, страха удивления и др. более или менее одинаково воспринимаются и европейцами, и американцами, и представителями доиндустриальных культур. Большая часть современных исследований в области невербальной коммуникации свидетельствует о том, что право на существование в равной степени имеют оба вышеуказанных подхода.

Необходимость систематически изучать жесты, которыми сопровождается и дополняется устная коммуникация, возникла в 1929 году вследствие развития представителями Пражского лингвистического кружка концепции функционального подхода к языку [ПЛК 1967].

Е.Д. Поливанов предвидел, что рано или поздно невербальная сторона речи начнет рассматриваться в качестве самостоятельного раздела лингвистики, соприкасающегося, по мнению ученого, с теорией драматургического искусства [Поливанов 1968].

Несмотря на то что ряд работ, посвященных языку жестов, появился уже в 30-е годы XX века, неязыковые средства коммуникации, анализируемые с позиций семиотики, начали интенсивно изучаться только к концу века.

Авербальное выражение эмоций в процессе коммуникации осуществляется двумя видами средств: просодическими (входящие в знаковое поле языка) и кинесическими (находящиеся за пределами знакового поля языка и включающие в себя мимику, жесты и телодвижения).

Первые представляют собой так называемые фонации – суперсегментные характеристики речи как на уровне восприятия (высота тона, громкость, длительность) [Горелов 1991], так и на физическом уровне (частота основного тона, интенсивность, время) и т. п. [Антипова 1998].

Вторые являются «эмоциональными кинемами, под которыми обычно понимаются любые движения тела, выражающие какое-либо чувство или переживание» [Покровская 1998: 111].

Первым, кто выделил кинесику в отдельную область исследований, был американский антрополог Рей Бирдвистел. На сегодняшний день она является одной из центральных областей невербальной семиотики. В широком смысле кинесика понимается как наука о языке тела и его частей. В понимании большинства ученых это только учение о жестах. Под кинесическими средствами общения понимаются мимика, жесты головы и ног, позы и знаковые телодвижения. Жесты могут выражать также мысли и чувства.

«Жесты, как и слова, могут быть адресованными, т. е. обращенными к конкретному человеку или к аудитории, и неадресованными к кому-либо конкретно, т. е. обращенными к любому; инструктивными (например, жесты человека, объясняющего как проехать к некоторому месту) и констативными (ср. кивок согласия), спокойными и экспрессивными, успокаивающими и угрожающими, теплыми и холодными, стилистически нейтральными и окрашенными...» [Крейдлин 2002: 48].

В этом заключается информативная функция жестов. Однако следует отметить, что в коммуникативном акте жестовые элементы главным образом выполняют экспрессивную функцию.

В настоящее время существует множество классификаций кинесических средств, однако ни одна из них не является всеобъемлющей. Учеными предлагаются различные классификации кинесических средств, основанные на разных подходах к явлениям, сопровождающим речь и играющим ключевую роль в процессе общения. Так, были предприняты попытки классифицировать кинесические средства на основе типа значений, структурной организации, знаковой фигуры, категорий значений, общей семантики и т. д.

Л.П. Якубинский пишет о «мимическом, пантомимическом и жестикуляционном интонировании высказывания», подразделяя тем самым кинесические средства на мимику, телодвижения и жесты [Якубинский 1923: 123].

Е.Д. Поливанов предлагает классифицировать жесты на символические, экспрессивные (выражающие эмоции, естественные) и описательные (копирующие действительность, потенциально естественные) [Поливанов 1968].

Н.И. Смирнова подразделяет кинесические средства на коммуникативные, модальные (выражающие отношения, оценку окружающих предметов и явлений) и эмоциональные (выражающие различные чувства и состояния) [Смирнова 1977].

Можно классифицировать жесты, выражающие определенные эмоции: угрозу, обвинение (выражаются посредством правого указательного пальца); удивление, недоверие, интерес (выражаются поднятием бровей) и др. Вопрос о различиях определенных жестов по типам эмоций (улыбка может быть индикатором различных эмоциональных состояний – радости, сожаления, разочарования, удивления и др.) является интересным, но на сегодняшний день недостаточно разработанным. По свидетельству психолога М. Аргайла, в кинесических средствах непосредственно отражаются следующие семь основных групп эмоций:

- 1) счастливое расположение духа;
- 2) удивление;
- 3) страх;
- 4) печаль;
- 5) злость;
- 6) отвращение/негодование;
- 7) заинтересованность [Аргайл 2003].

В обыденной речи, как отмечает Г.Е. Крейдлин, слово «жест» не обозначает физиологические (часто неконтролируемые) движения (такие как, например, движения глаз); манеры поведения; спонтанные выражения или проявления эмоций; физиологические реакции; не обозначает также практические действия человека по отношению к разнообразным материальным предметам, а также действия, связанные с пространственным

перемещением, ориентацией или размещением тела и его частей. Е.Г. Крейдлин дает предпочтение термину "кинема" [Крейдлин 2002].

С точки зрения семиотики в обыденной жизни существуют три класса кинем:

- а) психологически нерелевантные (для непрофессионального сознания) физические движения тела и физиологические процессы;
- б) психологически релевантные движения;
- в) явления так называемой кинесики, т.е. коммуникативно релевантные телодвижения (движения, используемые говорящими в качестве конвенциальных знаков в составе сообщения) [Мечковская 1999: 378].

На основе приведенной выше семиотической типологии можно сделать вывод о том, что эмоциональные кинемы и фонации принадлежат к классу явлений психологической симптоматики. Это позволяет рассматривать их в совокупности с точки зрения невербального эмоционального кода.

Исследователи кинесики выделяют следующие особенности кинем:

- а) иконичность (визуальное отображение обозначаемых предметов);
- б) универсальность их форм и значений;
- в) **способность к одновременной передаче нескольких значений** и активации прямой сенсорной симуляции (*выделено нами – С.М.*);
- г) возможность кодироваться с большей спонтанностью, чем вербальные средства [Корлыханова 2000: 25–26].

Следует отметить, что изначально вопросы невербальной коммуникации являлись объектами таких сфер деятельности, как искусство, риторика, медицина, физиогномика, педагогика. Сегодня этим проблемам уделяют много внимания также психология и лингвистика.

«Собственно кинесика возникла как особое ответвление психо-антропологических исследований, направленных на изучение языка тела представителей различных наций» [Крейдлин 2001: 169–170].

Кинесическое поведение в разное время у разных народов трактовалось по-разному.

Как отмечает Г.Е. Крейдлин, культура средних веков считается культурой жеста. В то время движения и положение тела человека играли важную роль в социальных отношениях. «Общество и в средние века, и в более позднее время тоже воспринималось как нечто цельное. Это было тело и организм, члены которого – голова, глаза, уши, руки и корпус – представляли различные социальные группы с четко обозначенными функциями, культурными, моральными и этическими ценностями, отображающими в отдельных жестах и высказываниях» [Крейдлин 2002: 56].

В средние века жесты выполняли множество функций. Все они, будучи знаками, обладали значением и, играя в обществе определенную роль, имели значимость. И по сей день жесты составляют неотъемлемую часть быта любого народа.

Согласно Г.Е. Крейдлину, процессы генерализации чрезвычайно характерны для «превращения» коммуникационных жестов во фразеологизмы, причем эмоция, стоящая за жестом, закрепляется не только за его номинацией, но и за самим фразеологизмом. «Говоря собеседнику *Не делай большие глаза*, говорящий хочет также, чтобы адресат не производил жест, а не только или не столько, чтобы тот не испытывал, например, эмоцию удивления» [Крейдлин 2002: 310].

Обращение лингвистов к проблеме изучения невербальной стороны общения объясняется тем, что «семантический анализ жестов разных народов и культур является необходимой платформой, с которой можно начинать движение в сторону освоения межкультурного невербального семантического пространства», без знания которого «нельзя понять и смысл многих вербальных единиц» [Крейдлин 1999: 183].

По мнению О.И. Даниленко, «к культуре общения относятся все способы поведения, посредством которых осуществляется общение, включая слова, интонацию, жесты, мимику и т. п. – словом, все то, что обеспечивает возможность взаимопонимания и взаимодействия людей. Для этого необходимо, чтобы они были приняты в данной культурной среде» [Цит. по Хачикян 2013: 5].

Невербальный код (так же, как и естественный язык) имеет свои особенности, причем, по мнению большинства ученых, невербальный язык гораздо более неустойчивый и

вариативный, так как жесты подвержены влиянию психологических, социальных и культурных факторов.

Знаки (в том числе и жесты) в течение времени могут измениться либо исчезнуть, выйти из употребления. Например, выражения *бросить перчатку, низко кланяться, снимать шляпу* и др. с течением времени утратили свою актуальность. Подобные единицы Г.Е. Крейдлин в монографии «Невербальная семиотика» называет жестовыми фраземами: «В современном русском языке слово *жест* само по себе означает демонстративное выразительное движение человеческого тела или некоторого органа, сигнализирующее о чем-то» [Крейдлин 2002: 58].

Наиболее распространенным методом исследования кинем считается метод семантического поля, который в нашей работе (при рассмотрении различных способов репрезентации семантики удивления) также является основополагающим.

«Языковые единицы, репрезентирующие внешнее проявление удивления, образуют поле дескриптивных или кинесических адмиративов» [Дорофеева 2002: 154].

Трудности, испытываемые при выделении кинесических адмиративов, главным образом связаны с семантической диффузностью и многозначностью большинства кинесических проявлений эмоций, а также с контекстуальной размытостью [Крейдлин 2001].

Н.В. Дорофеева в своем исследовании выявляет следующие универсальные характеристики эмоции удивления:

- а) потребность в получении максимальной информации об объекте удивления – мимические и краниальные кинемы;
- б) ощущение беспомощности – мимические, краниальные и мануальные жесты;
- в) когнитивное напряжение – сведение бровей, почесывание затылка, сужение глазной щели;
- г) сомнение в истинности происходящего – моргание, потряхивание головой, кручение пальцем у виска;
- д) ощущение дискомфорта – искажение черт лица;
- е) потребность в защите – движение тела назад и в сторону;

ж) переживание абсурдности происходящего – улыбка и смех;
з) потребность в активных действиях – движения тела вверх;
и) потребность в сокрытии своего переживания – прикрытие лица/глаз/рта руками
[Дорофеева 2002: 158–159].

Кинемы удивления, как и любой другой эмоции, представляют собой симптоматические жесты, которые занимают промежуточное положение между утилитарными и физиологическими по своей природе жестовыми движениями и коммуникативными жестами, передающими информацию намеренно [Крейдлин 1998].

Соматический характер эмоций сближает кинемы с жестовыми движениями, а конвенциональная связь эмоций и их жестовых проявлений – с коммуникативными жестами.

В нашей работе мы уже обращались к проблеме принадлежности тех или иных жестов либо к конкретной культуре, либо к числу универсальных категорий. В последующих разделах нашего исследования мы будем рассматривать кинесическое поле удивления в русском языке и анализировать различные способы репрезентации эмоции удивления посредством обращения к средствам естественного языка.

Общеизвестно, что каждый язык обладает своей, особенной, системой обозначения реалий. При этом различия в языке отражают различия в национальной ментальности, более того, каждый язык характеризуется своей самобытной картиной мира.

Таким образом, мы разделяем точку зрения И.Р. Саркисян о том, что «существуют доминантные, ключевые эмоции, носящие универсальный характер, однако способы их выражения могут иметь национальную специфику. В связи с этим можно говорить о национальном словаре эмоций, где каждому языку свойственны свои эмоциональные ассоциации, основанные на национально-культурном опыте и традициях, обусловленных типом цивилизации и культуры, приводящих к рискам недопонимания в межкультурном диалоге» [Саркисян 2017: 53].

В то же время, будучи универсальной эмоцией, удивление несет в себе и определенную культурную составляющую, которая по-разному выражается в плане содержания фразеологических единиц разных языков.

Тем не менее, несмотря на некоторые различия в национальной ментальности, носители различных культур, благодаря существующим универсальным эталонам, адекватно воспринимают большинство адмиративов. В подтверждение приводим некоторые из эталонов экспрессии удивления, представленных в книге Е.П. Ильина «Эмоции и чувства» [Ильин 2001: 262].

Таблица 1

Эталонные экспрессии удивления

1-й эталон	2-й эталон	3-й эталон	4-й эталон	5-й эталон	6-й эталон
глаза широко открыты	поза застывшая	интонации восклицательные	взгляд вопросительный	глаза широко открыты	брови подняты
на лбу морщины				поза застывшая	
рот приоткрыт	растерянность	рот приоткрыт	лицо застывшее	уголки губ опущены	взгляд вопросительный
брови подняты	интонации восклицательные	всплескивает руками	уголки губ опущены	лицо застывшее	растерянность

Интересно отметить, что длина словаря экспрессивных признаков удивления состоит из 11 суждений; из них чаще всего использовались следующие: «глаза широко открыты» – в 70% случаев, «брови подняты» – в 57%, «рот приоткрыт» – в 40%, «взгляд вопросительный» – в 30%.

В русской лингвокультуре под удивлением понимается эмоциональное состояние, вызываемое странностью или непонятностью, необычностью или неожиданностью, достигая высшей степени своего проявления в лексеме «изумление».

Данное эмоциональное состояние в русском языке обозначается также лексемами «ошеломление», «огорошивание», «ошарашивание».

«Удивление – состояние, вызванное **сильным** впечатлением от чего-либо необычного, неожиданного, странного, непонятного» (*выделено нами – С.М.*) [БТС РЯ – <http://www.gramota.ru/>]. В русском языке важность придается именно силе воздействия. Удивление характеризуется как когнитивная эмоция, возникающая в неожиданной ситуации и являющаяся адекватной реакцией на отклонение от нормы.

2.3. Адмиративная оценка и вероятностное прогнозирование

Взаимодействие человека с действительностью отражается в языке в различных аспектах, в частности в оценочном. Понятие оценочности присутствует во всех сферах человеческой деятельности.

Объективная действительность, включающая все имеющиеся в мире предметы, действия, их свойства, а также человека с его мыслями, чувствами, поведением, находит свое отражение в языке.

В широком понимании оценка отождествляется с проводимой субъектом мыслительной операцией над содержанием высказывания, которая имеет место при соприкосновении с объективным миром [Воркачев 1990].

«Объективный мир членится говорящим с точки зрения его ценностного характера – добра, зла, пользы и вреда» [Вольф 2002: 5].

Вопросы ценности и проблемы ценностных ориентаций исследовались в русле многих наук. Логика рассматривает оценку как суждение о ценностях; философия воспринимает оценку в совокупности с социальным и культурным факторами; исторический материализм рассматривает проблему ценностей в ее социально-экономической и классовой обусловленности.

В нашем исследовании мы рассматриваем адмиративную оценку и «кинесические» способы ее выражения в русском языке.

«Ценностные отношения закреплены в языке в семантических, а иногда и синтаксических структурах» [Вольф 2002: 6]. Оценка может определяться по различным критериям. К ним относятся истинность/ложность, важность/второстепенность, но основным из них является признак хорошо/плохо.

Оценку можно отнести к универсальным категориям, которые присутствуют во всех языках, однако следует отметить, что каждый язык при выражении оценочных значений проявляет свою индивидуальность.

В лингвистической науке оценку принято рассматривать как один из видов модальности. Одной из самых важных особенностей оценки является субъективность. «Субъективный компонент предполагает положительное или отрицательное отношение субъекта оценки к ее объекту, в то время как объективный компонент оценки ориентируется на собственные свойства предметов или явлений, на основе которых выносится оценка» [Вольф 2002: 22–23].

Как справедливо отмечает Н.Д. Арутюнова, «взаимодействие субъекта оценки с ее объектом лежит в основе классификации частнооценочных значений» [Арутюнова 1988: 75]. Оценка, по мнению лингвиста, «создает совершенно особую, отличную от природной, таксономию объектов и событий» [Арутюнова 1988: 62].

В зависимости от признаков, актуализирующихся в оценочном акте, основание оценки может быть внутренним или внешним. Внутреннее является репрезентантом эмоциональной сферы говорящего: его чувств, ощущений, положительных и отрицательных эмоций.

Внешнее ориентировано на когнитивную сферу говорящего, оно отражает знания субъекта, формируемые отношением ментальной и социальной природы окружающей человека действительности [Вендина 1997].

Характер оценки является признанием ценности (положительная, отрицательная или нулевая) объекта оценки. Например: *Курение вредно для здоровья.*

В данном примере характер оценки определяется словом *вредно* (отрицательная ценность).

Некоторых разместили в санатории, а Ирине повезло: ее поселили в новом доме из красного кирпича, который недавно выстроили для obsługi санатория. (В. Токарева) [НКРЯ].

Здесь слово *повезло* придает предложению положительную оценку (положительная ценность).

К нулевой оценке (при отсутствии контекста) можно отнести следующее предложение: *В Институте русской словесности при Российско-Армянском (Славянском) университете проводится экспертиза по вопросам юрлингвистики.* [www.rau.am]

В оценочное высказывание могут быть включены факультативные элементы мотивировки, классификаторы, различные средства интенсификации и деинтенсификации, субъект «пользы». При сравнительной оценке в модальную рамку включаются дополнительные элементы – то, с чем сравнивается объект, признак, по которому дается сравнение, мотивировка сравнения и др. [Сутужко 2008].

Подробнее остановимся на субъективном и объективном факторах в оценке. Субъективный компонент складывается за счет положительного или отрицательного отношения субъекта к объекту оценки: нравится/не нравится, одобрять/не одобрять, ценить/не ценить.

Объективный компонент оценки формируется на основе конкретных свойств предметов или явлений действительности. При оценке, как правило, учитываются оба фактора.

Е.М. Вольф отмечает: «Субъект и объект часто соединяются аксиологическими предикатами мнения, ощущения, восприятия (*считать, ставить, казаться, расценивать* и др.)» [Вольф 2002: 12]. Ученый выделяет следующие свойства оценочного предиката:

- 1) эмотивность (оценочность);
- 2) оценка эмоциональная и рациональная [Там же].

На наш взгляд, аксиологические предикаты являются ключевыми способами передачи оценочной семантики.

Вопрос о том, какой из перечисленных факторов в оценке является первичным, относится к наиболее спорным вопросам аксиологии. В естественном языке не может быть выражена чисто эмоциональная оценка, так как язык по своей природе предполагает рациональный аспект.

Рациональная оценка, в свою очередь, предполагает наличие оценочного суждения и способов выражения, учитывающих этот характер оценки, в частности аксиологических предикатов. Например: *Я считаю, что это плохо*. Рациональной оценке не присуща экспрессивность.

При включении в состав предложения предиката мнения усиливается рациональность оценки, а эмоциональность нарастает за счет экспрессивности и аффективных прилагательных:

Он хороший пианист.

Он великолепный пианист.

Какой он великолепный пианист! (нарастание эмоциональности);

Я считаю его хорошим пианистом (нарастание рациональности).

У каждого носителя языка есть своя концептуальная система. Часть этой системы, которая связана с оценками, включает входящие в структуру оценки представления о стереотипах, шкале и субъекте оценки [Вольф 2002]. Это значит, что мнение одного субъекта касательно кого-либо или чего-либо может не совпадать либо совпадать частично с мнением других субъектов.

Для того чтобы какому-либо объекту или явлению дать оценку, необходима оценочная шкала, которая будет учитывать как отношение субъекта к объекту оценки, так и свойства самого объекта, к которому относится оценка. Как видим, в первом случае свойства объекта как бы умалчиваются, а во втором случае речь идет и о субъективном отношении к объекту, и о свойствах самого объекта.

Соотношение собственно оценочного (эмотивного) и дескриптивного в оценке определяет сложную структуру оценочной шкалы [Вольф 2002]. В языке различные способы выражения оценки ориентированы на разные стороны оценочной шкалы.

Оценочная шкала имеет сложную структуру и состоит из трех зон: зона положительного, зона отрицательного и нейтральная зона. Нейтральная зона расположена между положительной и отрицательной. В языке нейтральная позиция обозначается значительно реже, чем позиции *хорошо* или *плохо*.

Одной из основных особенностей оценочной модальности является ее неприязненное отношение к категоричным, безапелляционным оценкам. В высказываниях об оценке, в частности при общеоценочных обозначениях, часто встречаются мотивировки, выражающие оценочные критерии. Под критериями оценки понимаются свойства, по которым можно судить о других свойствах. Например: *Этот магазин лучше другого, так как в нем представлен широкий ассортимент товаров*. Данные критерии также имеют отношение к оценочной шкале. Критерии оценки выражаются в мотивировках, которые являются факультативным компонентом и не входят в состав модальной рамки.

Как справедливо отмечает Е.М. Вольф, «в оценках чисто эмотивного характера, часто экспрессивных, где выражается лишь отношение субъекта оценки к ее объекту и ничего не сообщается о свойствах последнего, мотивировки эксплицируют эти свойства, при этом сама мотивировка находится вне оценочной пропозиции» [Вольф 2002: 119].

Таким образом, из вышеизложенного вытекает, что оценка в очень широком диапазоне значений соотносится как с отдельно взятыми языковыми единицами, так и с семантикой целого высказывания.

Исследования, посвященные оценочным значениям, для современной лингвистической науки представляют особый интерес. В языке находит отражение целый комплекс оценочных высказываний, соотнесенных с утверждениями, обозначающими ситуацию – объект оценки. Все виды оценочных высказываний заслуживают многостороннего серьезного изучения, однако мы в данном исследовании основной упор делаем на **оценочных высказываниях, выражающих удивление**.

«**Удивление является оценкой**, поскольку в его основе лежит интерес, внимание к объекту» (*выделено нами – С.М.*) [Воркачев 1992: 81]. Смысл реплик, выражающих удивление, – несоответствие нормативному либо ожидаемому положению вещей или

событий. Удивление по отношению к оцениваемым ситуациям может быть выражено как положительно, так и отрицательно.

Семантика выражений удивления весьма разнообразна, но во всех высказываниях наличествует общий компонент – реакция на отклонение от нормы. Оценку подобного типа принято называть **адмиративной оценкой**.

По С.Г. Воркачеву, адмиративная оценка (АО) (от лат. *ad-miratio* – удивление) – это «интеллектуальная эмоция, реализуемая в языке в форме недоумения, удивления и изумления, вызывается переживанием обманутого вероятностного прогноза и возникает у человека, когда он сталкивается с тем, что случается нечто несовместимое с его ожиданиями» [Воркачев 1992: 81].

Как видим, в формулировке С.Г. Воркачева встречаются три основные формы реализации адмиративной оценки в языке. Несмотря на то что слова *недоумение*, *удивление*, *изумление* и считаются синонимами, тем не менее между ними есть тонкая семантическая разница.

Одной из основных отличительных черт предикатов эмоционального состояния является различная интенсивность и их способность к интенсификации. Это касается и адмиративной оценки. По мере нарастания интенсивности, как правило, переживания противоречия между старым и новым опытом выступают в виде *недоумения*, *удивления* либо *изумления* [Воркачев 1992].

Недоумение возникает в случае более слабой уверенности субъекта в достоверности прошлого опыта, в то время как изумление имеет место, когда субъект абсолютно уверен в правильности предыдущего опыта, однако прогнозируемые результаты резко противоположны установленному порядку вещей.

Обязательным семантическим компонентом адмиративной оценки является обманутый вероятностный прогноз, от степени нарушения которого зависят конкретные виды ее проявления в виде *недоумения*, *собственно удивления* и *изумления*. Именно связь с предварительным вероятностным прогнозом отличает удивление от таких смежных разновидностей субъективной модальности, как «странность» и «неожиданность» [Вольф 2002].

Событие X может вызвать удивление лишь в том случае, если до момента свершения оно казалось субъекту маловероятным или невероятным.

Рассмотрим это явление на конкретном примере:

Жил-был себе на свете очень мудрый человек. Этот мудрый человек был не от мира сего: не ел, не пил, не спал, а все науками занимался. Халат был его единственной одеждой, а кабинет, заваленный книгами, единственным увеселительным местом.

– Вы бы легли спать, герр профессор! – каждую полночь обращалась к нему его кухарка. – «Вздор!» – отвечал он. (Спать-то – вздор!! Экий чудак!)

– Обедать будете, герр профессор? – каждый полдень спрашивала его кухарка. – «Некогда!»

И этого мудрого человека встретил я однажды в одном месте... в очень нехорошем месте! Он по-гусарски дул шампанское и сидел с хорошенькой пухленькой француженкой...

– Что вы делаете, герр профессор?!?! – воскликнул я, побледнев от удивления.

– Глупость, сын мой! – отвечал мудрец, наливая мне шампанского. – Я делаю глупость...

– Для чего же??!

– А для того, сын мой, чтобы проветрить малость атмосферу... За женщин и вино!

Я выпил и еще более побледнел от удивления.

*– Сын мой! – продолжал мудрый человек, играя волосами француженки. – В моей голове собрались тучи, атмосфера отяжелела, накопилось многое множество... Все это должно проветриться, очиститься, стать на свое место, и я ради этого делаю глупость. Глупость глупая вещь, но она нередко действует освежающе... Да здравствует раз в год глупость! *Vivat stultitia!* (А. Чехов) [GB]*

Таким образом, в данном контексте удивление возникло вследствие нарушения вероятностного прогноза, что было вызвано событием X (нахождение профессора в непристойном виде в непотребном месте), которое до момента свершения студент считал невероятным.

Как уже было отмечено выше, обманутый вероятностный прогноз является

обязательным семантическим компонентом адмиративной оценки, которая, в свою очередь, образует смысловую основу субъективной модальности удивления, отличительными чертами которой являются:

- вероятностный прогноз, степень и устойчивость подкрепляющего его стереотипа;
- предмет как та сторона, тот аспект объекта, на который направлена оценка;
- **кинесика как вегетативные или соматические реакции субъекта** (*выделено нами – С.М.*);
- когнитивный момент как стремление субъекта включить объект, вызывающий удивление в сеть объяснительных причинно-следственных связей [Воркачев 1992].

Эмоция удивления является уникальной в том плане, что не имеет противоположного чувства как такового. Что касается адмиративной оценки, то ее противочленом можно считать безразличие, т. е. отсутствие оценки как таковой.

Кроме того, на основе наличия/отсутствия вероятностного прогноза либо его соответствия/несоответствия «норме ожидания» [Арутюнова 1988: 30] в адмиративной оценке выделяются два логических оператора: удивление со своими модификациями, с одной стороны, и противоположное ему состояние психического равновесия, не переживаемого человеком ни отрицательно, ни положительно и соответствующего физиологической или психологической норме, – с другой стороны [Дорофеева 2002].

Такое состояние является разновидностью рациональной оценки, которая основывается на оправданном вероятностном прогнозе и возникает как результат потребности человека. Рациональная оценка, как правило, передает степень веры субъекта в наступление какого-либо события, степень ожидания этого события [Воркачев 1992].

Поскольку удивление переживается субъектом в том случае, когда прогнозируемые им с той или иной степенью события не осуществляются, рациональную оценку можно интерпретировать как результат «семантического отрицания удивления: “удивительно – ничего удивительного”, “странно – как и следовало ожидать” и пр.» [Там же: 82].

Таким образом, удивление является оператором адмиративной оценки, которая основана на обманутом вероятностном прогнозе и переживается как нарушение нормы

ожидания. Удивление реализуется через разноуровневые лингвистические средства: лексические, грамматические, фразеологические, а также паралингвистические (в широком смысле слова).

2.4. Основные типы адмиративов в русском языке

Долгое время эмоции рассматривались в русле психологической науки. Профессор Оксфордского университета Джин Эйтчисон справедливо отмечает, что лингвисты боятся эмоций и мало о них пишут [Aitchison 1987]. Действительно, вплоть до 70-х годов XX века к исследованию проблемы вербализации эмоций в лингвистических кругах относились с некоторой опаской.

Ситуация изменилась к концу XX века в связи с провозглашением в науке антропоцентрической парадигмы, в русле которой эмоции начали рассматриваться как человеческий фактор в языке. Тем самым получил подтверждение выдвинутый еще Шарлем Балли тезис о приоритете аффективного в языке [Балли 1955].

Учитывая тот факт, что функционирование эмоций неразрывно связано с функционированием языка, считаем целесообразным представить в настоящей главе классификацию адмиративов – закрепленных в языке (в первую очередь – в виде устойчивых выражений, фразеологизмов) единиц, отражающих кинесические изменения, происходящие с человеком, переживающим эмоцию удивления.

В результате выборки реализующих семантику удивления лексических и фразеологических единиц, обнаруженных в толковых, синонимических, тезаурусных, ассоциативных, фразеологических, этимологических словарях и текстах художественной и публицистической прозы нами были выявлены, изучены и классифицированы адмиративы, образующие кинесическое поле удивления.

В ходе исследования был выявлен 151 адмиратив, из которых 43 имеют узуальное употребление, 108 – контекстуальное. 7 фразеологизмов из числа узуальных помечены в лексикографических источниках как разговорные, 3 – как диалектные, 7 – как просторечные.

Адмиративы, образующие кинесическое поле удивления, были разделены на следующие группы:

- мимические;
- краниальные;
- мануальные;
- корпоральные;
- паралингвистические.

Количественное соотношение адмиративов отражено в Диаграмме 1.

Диаграмма 1

Подробная классификация адмиративов, словарные дефиниции, а также функционирование кинесических адмиративов в тексте представлены в Приложении.

2.4.1. Мимические адмиративы

Общеизвестно, что в общении кинесические средства выполняют выразительно-регулятивную функцию. Выразительные движения проявляются как в походке, позе, жестах, взгляде, так и в движениях мышц лица – мимике, которой отводится особая роль.

Главными характеристиками мимики являются ее динамичность и целостность. Это означает, что в мимическом выражении базовых эмоций (гнев, радость, отвращение, страдание, страх, удивление) движения всех мышц являются скоординированными. Мимические выражения не меняются в зависимости от национальной и культурной принадлежности человека, т. е. выражаются одинаково.

Лицо, мимика – самый верный источник, по которому можно определить эмоции людей. Контролировать мимику очень сложно, тем более человеку, переживающему бурные эмоции, будь то радость, страх, гнев или удивление.

Как правило, изменения на лице остаются дольше, чем человек испытывает ту или иную эмоцию.

Эмоция удивления считается самой короткой. Это чувство обычно быстро проходит, однако воздействие остается в виде широкой улыбки, приподнятых бровей, круглых глаз. Или, к примеру, человек, испытывающий удивление, распахивает глаза, открывает рот и, как правило, забывает закрыть его.

Все изменения, происходящие на лице человека, называются мимикой, каждое из них по отдельности – мимическим жестом, а мимические жесты, выражающие удивление, принято называть кинесическими адмиративами.

В своем труде «Невербальная семиотика» Г.Е. Крейдлин толкует мимический жест следующим образом:

«Человек X *делает большие глаза* по поводу Р, размер глаз X-а становится больше нормы, что свидетельствует о том, что X очень удивлен тому, что Р не понимает, что происходит» [Крейдлин 2002: 310].

Рассмотрим, каким образом могут отражаться в языке изменения, происходящие на лице человека, переживающего эмоцию удивления.

1) Изменение формы глазной щели:

➤ расширение:

- *смотреть большими глазами, смотреть широко раскрытыми глазами, распахнуть глаза, открыть глаза, растопырить глаза, делать большие глаза;*

Например:

– Ты сколько раз был за Чертой?

– Один, – привычно соврал Фома.

– Да перестань ты! – поморщился Сати. – Системой зарегистрировано, по меньшей мере, сорок.

– Да?! – Сделал большие глаза Фома. – Она зарегистрировала гораздо больше, чем я мог. (С. Осипов) [НКРЯ]

➤ сужение:

- *сощуриться, зажмуриться;*

Например:

– Хотите сказать, барон, что русские быстрее априори, и нашим парням остается лишь бить головой о потолок своих возможностей, отпущенных природой? Но, черт возьми, это какая-то не наша точка зрения.

– То есть славяне, – усмехнулся Шлоссер, – как говорит нам наш дражайший Геббельс, не могут иметь никакого другого таланта, кроме таланта к послушанию, и склонности к любой иной работе, кроме черной?

– А вы считаете иначе? – сощурился лысач так, будто перед ним была бродячая собака, рожаящая в лопухах. (М. Елизаров) [НКРЯ].

➤ округление:

- *смотреть круглыми глазами, делать круглые глаза, глаза по пятаку/глаза по пять копеек;*

Например:

– Неужели болит? Как странно! Такой прекрасный зуб! Так, значит, болит? Ну, это ужасно! Такой зуб! Прямо удивительный! <...>

Он [врач] быстро нагнулся и ткнул меня булавкой в язык. <...>

– Извините, мадам, это все, что я могу для вас сделать.

Я молча смотрела на него и сама чувствовала, какие у меня стали круглые глаза.

(Н. Тэффи) [НКРЯ]

2) Движение органов зрительной системы:

➤ поднятие глазных яблок вверх:

- *поднимать глаза вверх, обращать глаза вверх, обращать глаза к небу;*

закатывать глаза (под лоб); глаза на лоб лезут/полезли;

Например:

Православная скульптура вообще редкость, – говорила она. – Церковь скульптурные изображения не одобряет, считает их слишком плотскими. В центральной России вы ее, кажется, вообще не встретите.

Попадается только в медвежьих уголках, где священники не успевали доглядеть, там, где они были полуобразованными и всех канонов просто не знали. А то, что у нас, – уникально.

Мало того, что целый зал, еще и лица у них совершенно необыкновенные.

– Чем же? – спросила я.

– А они все – комики. И Иисус, и Николай Чудотворец.

– Как – комики? – у меня глаза на лоб полезли. – Это уж не нарушение канонов, а прямое глумление над святынями получается. Они что – на манер скоморохов, что ли, изображены? (А. Ткачева) [НКРЯ]

В данном примере эмоция удивления перерастает в такие негативные эмоции, как возмущение, негодование, крайнее недовольство. Это свидетельствует о реализации семантики сразу нескольких эмоций.

➤ выступ глазного яблока из глазницы:

- *выкатить глаза, вытаращить глаза, выпучить глаза, вылупить глаза, глаза*

из-под лба вылезли, глаза вылезают/вылезли из орбит, глаза вон лезут;

Например:

– Тебе одна дорога, мне – другая... Прощай, брат! – И он махнул рукою.

*Странник изумленно **вытаращил** глаза и **вскочил на ноги**.*

(В. Вересаев) [НКРЯ]

Отметим, что в составе данного примера, помимо мимического (*вытаращить* глаза), имеется также корпоральный адмиратив (*вскочить на ноги*), а также лексема, обозначающая наивысшую степень удивления (*изумленно*).

➤ **движение век:**

- *хлопать глазами, моргать глазами, мигать глазами, глазами хлоп;*

Например:

Но когда через две-три минуты лейка должна была опустеть, она снова оказалась полной.

Вслед за комнатной водой полилась холодная, родниковая, и это огорчило Шотландскую Розу. «Каким же образом, – подумала она, – лейка снова наполнилась, не заставив Васю бежать к водопроводному крану?»

*Вася смутился, хотя свидетелем этого случая был только Кот, который долго в недоумении **хлопал глазами**. Хлопала бы, без сомнения, и Шотландская Роза, если бы у нее были глаза.* (В. Каверин) [НКРЯ]

Рассмотрев на материале художественной литературы паремиологические единицы, имеющие в своем составе мимические адмиративы, связанные с движением глаз, можем заключить, что на лице, выражающем удивление, происходят следующие изменения: глаза широко открыты, нижние веки расслаблены, а верхние веки приподняты.

Широко раскрытые глаза могут дополнять эмоцию удивления возникшим интересом, что в некоторых случаях может иметь словесное выражение и соответствовать восклицанию. Например: «Здорово!»

Следует отметить, что «удивленные глаза», как правило, сопровождаются такими выражениями, как «удивленные брови», «удивленный рот», или обоими выражениями одновременно (об этом см. ниже).

3) **Вариации взгляда:**

➤ **продолжительный взгляд в одну сторону, зафиксированный в одном положении:**

- *вскидывать глаза, поднимать глаза, пристально посмотреть, впиться взглядом, воззряться, уставиться, глазеть, пялиться, вытаращиться, вылуниться, смотреть как баран на новые ворота, смотреть как гусь на зарево, смотреть во все глаза, смотреть как зачарованный, смотреть как замороженный, не отводить глаз, не моргать, сделать дикие глаза, сделать безумные глаза;*

Например:

– А что в нем [в чемоданчике] такое? – впервые пришло в голову Длинноволосому. –

Что в нем такое, что я его таскаю?

– Открой да посмотри, – посоветовал Иудей.

Длинноволосый *уставился* на собеседника с изумлением: как это ему раньше не приходило в голову?

Но ведь не приходило же... (Л. Улицкая) [НКРЯ].

➤ **обмен взглядом**

- *переглянуться, посмотреть друг на друга;*

Например:

Стоящие на крыльце мечети мужчины удивленно *переглянулись* между собой, но промолчали. (Е. Самойлова) [НКРЯ]

➤ **по сторонам:**

- *осмотреться, оглядеться, посмотреть вокруг;*

Например:

– Мы не волнуемся, даже когда они разгуливают по парку. Сегодня просто слишком много народу, и мы во избежание недоразумений решили не выпускать животных.

– Много народу?!

Я изумленно *огляделся*, но, кроме считанных пар, затерявшихся среди бескрайних аллей парка, ровно никого не заметил.

– Не удивляйтесь, – аппетитно затаившись трубкой, пояснил ветеринар, – у нас очень большой парк.

Людам есть где разбрестись. (В. Запашный) [НКРЯ].

➤ **сбоку:**

- ***смотреть исподлобья, покоситься;***

Например:

*Ольга тотчас же умолкла и неловко и суетливо принялась раскутывать Петю, который **смотрел исподлобья** удивленно и строго и не выпускал руки Мавры Ивановны.*

(З. Гиппиус) [НКРЯ].

4) **Движение бровей:**

➤ **по направлению вверх:**

- ***поднимать брови, приподнимать брови, вскидывать брови, взметать брови, взмахивать бровями, повести бровью/бровями, брови ползут, брови поднимаются вверх, брови на лоб полезли;***

Например:

– *Я хотел бы исповедаться <...>*

– *Тогда пойдем.*

– *А нельзя нам остаться здесь?*

*Стефан удивленно **повел бровями.*** (Ж. Гранже) [НКРЯ].

➤ **сведение:**

- ***сдвинуть брови, нахмурить брови, нахмуриться;***

Например:

– *Грым, – спросила она, – ты веришь в любовь с первого взгляда? Дамилола тихо засмеялся. Похоже, его совсем не раздражало странное поведение Кая – он даже находил в ее выходках удовольствие.*

*Грым удивленно **нахмурился** – было непонятно, с чего это Кая заговорила на эту тему. Но она выглядела серьезной. – Не знаю, – сказал Грым. – Я верю в смерть с первого взгляда.* (В. Пелевин) [НКРЯ].

У человека, испытывающего эмоцию удивления, брови чаще всего изгибаются и приподнимаются. Если брови остаются приподнятыми в течение нескольких секунд, лицо человека начинает выражать **сомнение** или **вопрос**. Часто человек подобным выражением

лица, без слов, намеренно выражает **сомнение** или **скептицизм** по поводу сказанных собеседником слов. Все эти изменения, выражающие **удивление**, как показывают приведенные выше примеры, находят свое отражение в языке.

5) **Движение рта:**

➤ **открытие:**

• *открыть рот, приоткрыть рот, раскрыть рот, растянуть рот, разинуть рот, разинуть варежку, широко раскрыть рот, с разинутым ртом, вопросительно раскрыть рот;*

Например:

Карпекина встает с парты и подходит к ним:

– Ну-ка, отпусти его. Она никогда не лезет ни в какие драки и с нами вообще не разговаривает, считает, что мы козлы и идиоты.

Быра разинул рот от удивления, но Куню не отпускает. (В. Козлов) [НКРЯ]

Следствием открытия рта является вытянутое лицо, поэтому мы считаем целесообразным включить в данную группу фразеологические единицы типа:

• *челюсть отвалилась, лицо вытянулось, физиономия вытянулась;*

Например:

– Я хочу попросить прощения за себя самого, за то, что я такой, какой я есть... Я... мне очень больно, что все так получается.

Я обязательно постараюсь исправиться и не быть больше таким... занудливым, высокомерным всезнайкой, сделав над собой усилие, выговорил он.

У Баб Ягуна даже челюсть отвисла: ничего себе, сказать такое про себя! (Д. Емец) [НКРЯ].

➤ **Улыбка или невольное искажение черт лица:**

• *улыбнуться, скривить губы;*

Например:

Дмитрий Алексеевич удивленно улыбнулся, бегло просмотрел статью, сказал: «Ну-ну!» (В. Дудинцев) [НКРЯ]

Мимические адмиративы, связанные с движением рта, выявляют следующие кинесические изменения: в момент переживания эмоции удивления опускается нижняя челюсть, в результате чего размыкаются губы и разжимаются зубы. Рот может быть слегка открыт, умеренно приоткрыт или широко раскрыт. Степень раскрытия рта, как правило, зависит от степени удивления. Так, например, опущенная челюсть является индикатором высокой степени удивления – ошеломления.

6) **Тремор лицевых мышц:**

- *лицо задергалось;*

Например:

– Я предлагаю вам десять миллионов долларов за этот старый и ржавый кусок железа.

– Не смешите меня, фрау Мария, – отмахнулся директор, даже не поворачивая головы, – этот экспонат не имеет цены.

– Как насчет ста миллионов?

Лицо директора дернулось, но все же он отрицательно покачал головой.

– Ну, хорошо, миллиард американских долларов. (В. Исаев) [НКРЯ].

7) **Изменение цвета кожи:**

- **гиперемия:**

- *покраснеть;*

Например:

– Ваше превосходительство! – как-то торжественно сказал он, поднося ее на ладони генералу, прежде чем тот мог опомниться от удивления при виде такого неожиданного поступка, – вы знаете, сколько моей крови ухлопано на эту золотую штуку... Поменяйтесь, ваше превосходительство... на племянника!

*Генерал весь **покраснел** от удивления и гнева. (И. Омулевский) [НКРЯ]*

Удивление, будучи самой короткой из всех эмоций, часто сопровождается либо сменяется другими эмоциями. Данный пример демонстрирует процесс трансформации удивления в гнев.

Как было отмечено выше, степень интенсивности проявления эмоции удивления может выражаться посредством реализации семантики смежных эмоций, таких как **странность и неожиданность**.

В приведенном выше примере гиперемия отражает удивление и одновременно негодование, вызванные неожиданностью, что находит в тексте свое словесное выражение.

➤ **побледнение:**

• ***побледнеть;***

Например:

Мартин смотрел на нее с удивлением.

– Своего второго мужа я убила тем же способом, – продолжала фантазировать Элис.

– Подмешала яд в кофе...

Мартин побледнел, и его испуганный взгляд остановился на пустом стакане. Элис перехватила этот взгляд.

– Да, да, – жестко произнесла она и продолжила тоном, не допускавшим никаких сомнений. – Да, да, только что я отравила и тебя. (В. Комаров) [НКРЯ]

В нашей работе мы не раз отмечали, что удивление длится не более нескольких секунд. Оно моментально проходит, однако, как только человек осознает произошедшее, на смену удивлению приходят другие эмоции, такие как, например, **радость, отвращение, гнев** или **страх**.

Данный пример иллюстрирует реализацию не только семантики удивления, но и страха.

Нужно отметить, что кинесические средства выражения эмоций удивления и страха во многом совпадают, что делает затруднительным, а иногда даже невозможным их разграничение.

Естественно, это явление отражается и в языке. Многие адмиративы многозначны и в зависимости от контекста могут реализовываться как семантику удивления, так и семантику страха.

➤ **цианоз:**

- ***посинеть, лицо сделалось серым;***

Например:

Землемер Скоморохов посинел от удивления, не в силах сообразить, как и что считать. (В. Палей) [НКРЯ].

Как видим, при выражении эмоции удивления основную информационную нагрузку несут брови и губы, а также область вокруг рта. Немаловажную роль играет взгляд, или визуальный контакт.

Глаза передают самые точные сигналы, ведь, как известно, расширение и сужение зрачков не контролируются сознанием.

Важно отметить, что испытываемая эмоция удивления различается по своей интенсивности. Чаще всего степень интенсивности отражается на лице.

Лицо может выражать удивление двумя зонами. Условно назовем их верхней (лоб, брови, глаза) и нижней (область рта, челюсть).

В верхней части лица чаще всего наблюдаются незначительные изменения: немного приподнимаются брови и шире открываются глаза. Основным же показателем степени удивления является нижняя часть лица: чем интенсивнее удивление, тем шире раскрывается рот.

Проявления крайней степени удивления часто сопровождаются восклицаниями наподобие «О-о!» или «Ого!», произнесение которых в той или иной мере визуально удлиняет челюсть. Субъект может выражать удивление также посредством вышеуказанных двух областей лица, при этом третья (средняя) область остается нейтральной. Если удивление проявляется в двух зонах, то это свидетельствует об особой степени интенсивности проявления эмоции удивления [Экман 2010].

Если выражение удивления на лице создается только за счет движений верхней зоны (брови и глаза), удивление выглядит вопросительным. «Удивление достигает изумления, когда оно выражается на лице только за счет движений верхней зоны глаз и рта. <...> Удивление выглядит подобным ошеломлению, когда оно выражается только движениями бровей и рта» [Там же: 14].

Обобщив приведенные выше примеры, можно утверждать, что все люди, независимо от их национальной и культурной принадлежности, достаточно точно интерпретируют конкретные мимические конфигурации как выражение эмоции удивления.

2.4.2. Краниальные адмиративы

Данная группа кинесических адмиративов репрезентирует движения головы.

Рассмотрим подгруппы краниальных адмиративов:

➤ **из стороны в сторону:**

- ***качать головой, трясти головой, мотать головой;***

Например:

– *И все же как-то неловко перед Славой...*

– *Ничего-ничего, – заверил Слава, улыбнулся и вышел из кухни. Орли подняла свою рюмку и, не чокаясь, выпила без тоста.*

Глеб удивленно покачал головой и тоже выпил. (А. Иванов) [НКРЯ].

➤ **поворот вокруг:**

- ***оглянуться;***

Например:

– *Ну-ка, Аксен Федорыч, узнай, как там у матери дела, – сказал кузнец и поднял сына, чтобы снять его с себя, но вдруг охнул, сел и удивленно оглянулся по сторонам.*

– *Ух, как старую царяпину засадило!* – сказал он. (С. Никитин) [НКРЯ].

➤ **поворот к одному плечу:**

- ***наклонять голову набок/вбок/к плечу;***

– *Открой дверь, капитан, – приказал парень в пиджаке. – Не ищи проблем.*

Палыч удивленно наклонил голову, но тут нервный опять не выдержал:

– *Открывай давай, – и шагнул к машине.* (А. Белов) [НКРЯ].

2.4.3. Мануальные адмиративы

В эту группу мы включили закрепленные в языке адмиративы, связанные с движениями рук.

➤ **движение вверх:**

- ***вскидывать/вскинуть руки, воздевать руки;***

Например:

*«О женищина, женищина! – вскричал я вне себя от удивления, **воздевая руки.** – Ты бездна, ты тайна, и тот, кто мнит, будто знает тебя, – трижды безумец!»* (Ж. Санд) [НКРЯ].

➤ **хватательные движения:**

- ***обхватить голову, обнимать голову, сжимать голову, стискивать голову, стискивать виски руками, схватиться руками за голову, схватиться/ухватиться за щеку, ухватиться за щеку, взяться за щеку, схватиться/ухватиться за руку, взяться за руку, схватить за руку;***

Например:

– О! Что это? За что?! – схватился за голову Тхоржевский, ибо они вышли к бутафорским яблоням. (Н. Галкина) [НКРЯ].

➤ **хлопание себя по голове или ногам:**

- ***ударить себя руками, бить себя руками, хлопать себя руками, хлопать себя кулаком по голове, хлопать себя кулаком по бедрам;***

Например:

Глеб Капустин сидел красный в ожидании решающей минуты и только повторял: «Спокойствие, спокойствие, товарищ полковник, мы же не в Филях, верно?»

Глеб остался победителем; полковник бил себя кулаком по голове и недоумевал. (В. Шукшин) [НКРЯ].

➤ **почесывание затылка:**

- ***почесать затылок;***

Например:

– Я вас не пушу! – Люся держала фанерную дверь. – Если хотите, чтобы высохло к утру, – раздевайтесь! Борис опешил. – Во-о. Дела-а! – **почесал затылок**. (В. Астафьев) [НКРЯ].

➤ **прикрывание руками глаз/лица:**

- **закрывать глаза руками, закрыть лицо руками, протирать глаза;**

Например:

*Сидевший в кресле, снял капюшон, и Марыля узнала в нем ясновельможного. От удивления женщина даже **присела и закрыла лицо руками**. Потом взглянула на сатану и сказала: «Я всегда думала, что Вы и есть князь тьмы».* (И. Тихоненко) [НКРЯ].

В составе данного примера, кроме мануального, есть также корпоральный адмиратив.

➤ **выпадение предметов из ослабевших рук:**

- **выпадать;**

Например:

Когда Майбыр раз на лыжах гонялся за бурым лосем – Ерой, незнакомая старушка остановила его и шепнула: «Пора, пора идти к своей невесте, Майбыр. Ждет тебя красавица в дремучих Пармах у обрывистого берега ручья, текущего с высокой горы».

*Лук **выпал** у Майбыра из рук от удивления, и он хотел кое-что спросить у старухи, но та скрылась в еловой чаще.* (К. Жаков) [НКРЯ].

Специфичными для русской культуры являются следующие мануальные жесты:

➤ **приложение пальца к виску:**

- **покрутить пальцем у виска;**

Например:

*Короче, закрываемся мы, понятно? – А жалобная книга у вас есть? – в тон ему спросил Гуров. Продавец посмотрел на него как на ненормального и **покрутил пальцем у виска**.* (Н. Леонов, А. Макеев) [GB].

➤ **разведение рук:**

- **развести руками;**

Например:

Он сдернул ее [простынь] в сторону, сжимая в руке пистолет с глушителем, и удивленно **развел руками**: под простыней никого не оказалось, а лежали только две подушки. (В. Доценко) [НКРЯ].

➤ **всплескивание руками**:

- **всплеснуть руками; всплеснуть в ладоши;**

Например:

Когда Оксана спокойно замолчала, Заремба сердито сбросил со лба чуб, удивленно **всплеснул руками**. – Во, дядя Анискин! – воскликнул он. – Придумала про какую-то душу, и хоть кол на голове теши! (В. Липатов) [НКРЯ].

➤ **движение рук назад**:

- **отвести руки назад;**

Например:

Матушка от удивления даже **руки назад отвела**. (И. Ильф, Е. Петров) [GB].

➤ **тремор**:

- **руки задрожали;**

Например:

Убедившись, что письмо было на его имя, он быстро вскрыл конверт.

Письмо несомненно было написано по-английски, но, странное дело, Гура читал его свободно, как по-русски, и все понимал до слова.

Но вместе с тем его нисколько не удивило, что письмо это прислано не кем иным, как самим Джоном Айрсом, профессором американского университета.

Почтенный профессор был очень обижен недоверием Гуры, именно Петра Ивановича Гуры, и требовал, чтобы Гура приехал к нему в Нью-Йорк и лично убедился в возможности полета на Луну.

Даже больше – Джон Айрс предлагал ему, Гуре, совершить полет на Луну и на Марс.

В письме был чек на две тысячи долларов с правом получения означенной суммы в любом отделении Государственного банка.

У Петра Ивановича даже **руки задрожали**, когда он чек держал; а через запрыгавшие губы невольно сорвалось:

– А сколько это на рубли? Ну, и чудаки эти американцы... Право, чудаки.

(В. Язвицкий) [GB]

В данном примере удивление выражается посредством реализации семантики неожиданности, причем приятной неожиданности, что подтверждается наличием языковых средств, выражающих эмоцию радости.

➤ **потирание глаз/висков:**

- ***потереть глаза, потереть виски;***

Например:

*Охотник, смотревший с берега, удивленно **потирал** глаза, пораженный чудом.*

Паруса были алые. (А. Грин) [НКРЯ].

➤ **взмах:**

- ***замахать руками, взмахнуть руками;***

Например:

*Ипполит Матвеевич в крайнем удивлении **взмахнул** руками.* (И. Ильф, Е. Петров)

[НКРЯ].

➤ **крестное знамение**, совершаемое православными при переживании опасности:

- ***перекреститься, осенять себя крестным знамением;***

Например:

– *Дивны дела твои, Господи,* – с удивлением сказал кто-то из них и **перекрестился.** –

Никак Божья благодать снизошла на нашего маршала. (Ю. Черныш) [НКРЯ]

В эту группу мы включили также умеральный (от лат. *umerus* – ‘плечо’) адмиратив

➤ **сведение плеч:**

- ***пожать плечами;***

Например:

*Антокольский, похожий на усатого моржа в берете, удивленно **пожал** плечами:*

«Какая муха ее укусила?» (Н. Воронель) [НКРЯ]

2.4.4. Корпоральные адмиративы

Адмиративы четвертой группы представляют собой средства дескрипции корпоральных кинем, таких как:

➤ **вздрагивание:**

- ***вздрогнуть;***

Например:

*В эту же секунду я услышал шаги, повернул голову – и **вздрогнул** от удивления и необъяснимо тягостного чувства, мгновенно меня охватившего...* (Г. Газданов) [НКРЯ]

➤ **резкие движения тела:**

- ***по направлению вверх:***
- ***вскочить, подпрыгнуть, вскинуться, приподняться;***

Например:

*Васька вышел погулять во двор и... даже **подпрыгнул** от удивления. Посреди двора на старой липе висел огромный воздушный змей.* (А. Шипилов) [НКРЯ]

➤ **назад или в сторону от адмиранта:**

- ***отстраниться, отшатнуться, попятиться (назад), как пружиной отбросило, броситься вон, метнуться в сторону, приблизиться;***

Например:

– Вы не шутите? – готовая к любому ответу барона, произнесла она. – Вы действительно поменяли цвет глаз? Поменяли то, что другим людям Всевышний дает на всю жизнь?

Он подошел близко к герцогине и сказал:

– Смотрите сами!

*От удивления Элен даже **попятилась назад**: еще буквально несколько минут назад карие глаза Армана стали подобны малахиту.* (Е. Щеглова) [НКРЯ]

➤ **вниз:**

- ***упасть (рухнуть) как подкошенный, так и сел;***

Например:

*Настенька сняла мохнатые полотенца и отлепила горчичники. Девочка **так и села** от удивления. (Ю. Дружков) [НКРЯ]*

➤ **вперед:**

- *податься вперед;*

Например:

*Через некоторое время, когда они миновали очередной поворот, внизу показалась деревня. Лилия от удивления **подалась вперед.***

– Деревня? – она посмотрела на Войтеху. – Может быть, нам остановиться на ночевку там? (Н. Тимошенко) [НКРЯ]

➤ **прекращение двигательной активности:**

- *остановиться как вкопанный, сидеть недвижимо, стоять как засватанный, застыть, остолбенеть, оцепенеть;*

Например:

*От изумления я **остановился как вкопанный**, так что кто-то из идущих сзади на меня налетел. (В. Белоусова) [НКРЯ]*

В русской лингвокультуре наблюдается также такое явление, как

➤ **замедление темпа движений**, выражаемое словом:

- *замешкаться;*

Например:

*...Приглядевшись, Нед с удивлением понял – братья! Близнецы! И один черный, другой белый – маги! Он слегка **замешкался** от удивления... (И. Казаков) [НКРЯ]*

2.4.5. Паралингвистические адмиративы

Адмиративные единицы последней, пятой группы объективируют представленные ниже паралингвистические средства передачи семантики удивления, характерные для русской лингвокультуры:

➤ **поднятие или снижение голосового тона:**

- *охать, ахать, воскликнуть, вскрикнуть, зареветь, громко заговорить, прошептать;*

Например:

– *Хочешь мороженого? – Открыла дверцу холодильника – и Митя **ахнул** от удивления. Какого только мороженого в нем не было! В пачках! В трубочках!*
(Л. Сапожников) [НКРЯ]

➤ **прекращение речевой деятельности:**

- *воцарилось молчание, замолчать;*

Например:

– *Извините, разрешите пройти? Будьте добры... После последней фразы в вагоне **воцарилось молчание**. Сотни удивленных и возмущенных голов повернулись в сторону невысокого худенького мужчины в кургузом пальтишке и с небольшой профессорской бородкой на печальном лице.* (А. Гутин) [НКРЯ]

➤ **смех:**

- *засмеяться, усмехнуться;*

Например:

*Бен ... схватился за предмет, торчащий из воды. Он **вытаращил** глаза. Это оказалась большая вывеска. Он смог прочитать буквы: Ал и внизу Буд...*

И внезапно он понял.

– *Билл! Ричи! Бев! – он **смеялся** от изумления.*

– *Что это, Бен? – прокричала Беверли.* (К. Стивен) [НКРЯ]

Здесь кинесическое поле удивления образуют два адмиратива: мимический и паралингвистический.

➤ **свист:**

- *свистнуть, присвистнуть;*

Например:

Как махнул я из фуражки семечки на землю, Степан даже свистнул от удивления.

(И. Стаднюк) [НКРЯ]

➤ **междометия:**

• «Ай!», «Ох!», «Ах!», «Ого-го!», «Ого!», «Ой!», «О-ля-ля!», «Ха!», «Тю!», «Ба!», «Фу-ты!»;

Например:

Мы помогли маме раздеться и торжественно, под руки, повели ее в комнату. А там, на самом видном месте, висели в рамках наши рисунки.

Наткин голубь, или «Вороне где-то бог послал кусочек сыру».

И мои пни, или «Плакала Саша, как лес вырубали».

– **Ого!** – От удивления мама **остановилась** за несколько шагов до наших рисунков. –

Ого! – повторила она. – *Значит, я попала на вернисаж!* (А. Василевич) [НКРЯ]

В данном примере удивление выражено двумя адмиративами: паралингвистическим и корпоральным.

В исследуемых примерах были выделены следующие характерные кинемы:

➤ **замедление речевого темпа:**

• ***протянуть, промычать;***

Например:

– *Расскажи, Петр Кирилыч, – пропела Мавра. – Кабы не леший... ничего бы не вышло! – Ле-еший! – протянул удивленно Аким. – Вот оно что!* (С. Клычков) [НКРЯ]

➤ **шумное дыхание:**

• ***засопеть;***

Например:

Торин, от греха подальше отгородившийся от пленника мной, ухватился за спинку стула, заодно придерживая и мои плечи, и засопел удивленно и даже негодуяюще. Похоже, он просто не понимал, как можно так спокойно вести воспитательные беседы с предателем. (К. Чайкова) [НКРЯ]

➤ **покашливание:**

- **кашлянуть;**

Например:

*Ханокян **кашлянул** от удивления. Из окна видны молодые яблони, глухой забор, возле которого лежит свернутый шланг для полива огорода, стоит заступ и штыковая лопата.*

(С. Троицкий) [НКРЯ]

- **чихание:**

- **чихнуть;**

Например:

*Только он это сказал, как из тумана появилось оранжевое солнце, яркие лучи его осветили поляну, дом, шиповниковый куст, и все увидели чудо – парочку спелых оранжевых ягод на ветке шиповника. Вахмурка громко **чихнул от удивления**. (В. Постников) [НКРЯ]*

- **стон:**

- **застонать;**

Например:

– Кто же командует кораблем? – опять спросил Билл.

– Судном командует наш старый приятель Тоби Марш.

*Билл от изумления дернулся и **застонал**.*

– Тоби Марш?!

– Он самый! Очень немного народу подозревает об этом, но это святая правда!

(Э. Уоллес) [e-reading]

- **икота:**

- **икнуть;**

Например:

– Что происходит? – Юноша **икнул** и удивленно воззрился на Искательную телегу. –

Что пропало?

«Начинается, чтоб тебя Чудь забодала!»

– Опасного преступника ловим, господин Карлос. (В. Панов) [НКРЯ]

Примеры адмиративов, приведенные из художественной литературы, позволяют сделать вывод, что часто в коммуникативном акте несколько видов кинесических адмиративов переплетаются, образуя тем самым кинесическое поле удивления.

Рассмотрим это явление на конкретном примере.

– Мы слышали, – сказал Руковишников, – Что у вас есть запасной гравилет. Дадите?

*Капитан космопорта надул щеки, развел руками, сдвинул фуражку на затылок и почесал лоб, хмыкнул, прищурил левый глаз, оттопырил губу, вздохнул, потер нос, вопросительно выгнул правую бровь, цыкнул зубом, нахмурился, закатил глаза к потолку, пошевелил пальцами в воздухе, причмокнул, покачал головой, вытер пот и с шумом высморкался, широко раскрыв от удивления глаза, взглянул на Руковишникова исподлобья, вытянул губы трубочкой, пошевелил ушами, икнул, наклонил голову к плечу, наморщил лоб, шмыгнул носом, иронично улыбнулся, нервно потер ладони, пожал плечами, покрутил головой, поскреб затылок, хлопнул себя по коленям, хохотнул, насмешливо сощурился, вздохнул и опустил уголки рта, сразу став на несколько лет старше, смахнул непрошенную слезу, болезненно **крякнул** и привычным жестом **потер** плечо, **быстро заморгал, искривил рот, ссутулился, встрепенулся, молодецкато закрутил усы, вытянул ноги и расслабленно откинулся на спинку кресла.***

– Вот что, ребята, – сказал он устало, – Гравилет я вам не дам. [LJ]

В данном примере кинесическое поле удивления отражено во всем своем многообразии, причем автором задействованы как фразеологизмы, имеющие узуальное значение, так и выражения, репрезентирующие эмоцию удивления в рамках контекста.

Приведенные выше примеры, находящие свое выражение во фразеологии, составляют ядро кинесического поля удивления. Большинство из них соответствует общепринятому (социально нормативному) узуальному употреблению.

Периферию составляют единицы, которые могут выражать эмоцию удивления контекстуально. Их употребление в качестве адмиративов является окказиональным (см. Приложение).

Отметим, что как в составе ядра, так и в составе периферии кинесического поля удивления было обнаружено большое количество соматизмов, употребление которых

раскрывает представление о мышлении носителей русского языка. Таким образом, «соматические фразеологизмы воссоздают картину специфики образного мышления народов. Описания частей тела у разных народов имеют разный характер, что обусловлено национальным фактором» [Саркисян 2017: 50-51].

В целях изучения функциональной специфики кинесических адмиративов и их значений нами был предпринят контекстуальный анализ. Изучив функционирование 151 адмиратива в тексте (см. Приложение), мы пришли к выводу, что идентификация кинесических адмиративов (в частности единиц окказионального употребления), образующих периферию семантического поля «удивление», осуществляется за счет наличия в текстах лексических маркеров, образующих его ядро: *удивленно* (в 60 случаях), *удивиться/удивляться* (13), *изумиться/изумляться* (13) *удивленный/удивленные* (4).

ВЫВОДЫ ПО II ГЛАВЕ

- Удивление является неопределенным амбивалентным эмоциональным состоянием, поддающимся градации, имеющим короткий период протекания и стимулирующим когнитивные процессы.
- Удивление выступает в качестве оператора адмиративной оценки, обязательный семантический компонент которой – обманутый вероятностный прогноз. От степени нарушения последнего зависят конкретные виды проявления адмиративной оценки: *недоумение, собственно удивление и изумление*.
- Внешние изменения, происходящие с человеком, испытывающим эмоцию удивления, закрепляются в языке и могут использоваться в качестве устойчивых сочетаний. Подобные лексические и фразеологические сочетания могут иметь как узвальное употребление, так и контекстуальное.
- Многие лексические и фразеологические единицы, за которыми изначально не закреплено значение выражения эмоции удивления, могут в контексте, в особом

лингвистическом окружении, получить дополнительные семантические характеристики и использоваться в качестве адмиратива.

- Особенность репрезентации эмоции удивления в языке заключается в синкретизме. Очень часто в кинесическом поле удивления встречается переплетение нескольких значений: адмиративы могут быть выразителями других эмоций (радость, восхищение, негодование, страх), обычно вызываемых странностью или непонятностью, необычностью или неожиданностью.
- Значительное количество лексических и фразеологических единиц, вербализующих внешнее проявление эмоции удивления в русском языке, а также широкий спектр мимических, краниальных, мануальных, корпоральных и паралингвистических проявлений свидетельствует о высокой степени кинесичности русской лингвокультуры.
- Среди единиц, реализующих семантику удивления, особое место занимают соматические фразеологизмы, раскрывающие особенности мышления носителей русского языка (и его территориальных разновидностей).
- Контекстуальный анализ функционирования 151 адмиратива в тексте показывает, что кинесические адмиративы (в частности единицы окказионального употребления), которые образуют периферию семантического поля «удивление», идентифицируются посредством имеющихся в текстах лексических маркеров.

ГЛАВА 3

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ УДИВЛЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

3.1. Ассоциативные поля и их классификация

Большинство лингвистов и психологов в своей практике так или иначе сталкивается с проблемами семантических ассоциаций. Об этом свидетельствует количество посвященных данной проблеме работ.

С каждой новой работой круг поставленных задач расширяется и создается достаточно прочная эмпирическая и теоретическая база для ассоциативно-семантических исследований.

История развития семантики ознаменовалась таким явлением, как появление новой области исследования – ассоциативной семантики, которая вобрала в себя не только вопросы языкового значения, но и ряд неразрывно связанных с ней аспектов физиологии, психологии, логики, философии.

Как отмечает Ю.Д. Апресян, «полное семантическое описание слова шире, чем его значение: оно включает также сведения о пресуппозициях, о вызываемых словом семантических ассоциациях (коннотациях), о логическом акценте и др.» [Цит. по Грдзелян 2009: 52].

Феномен ассоциации архетипов, идей, гештальтов, образов, перцептивных элементов в философии и логике был раскрыт в трудах *Платона, Аристотеля, Августина, Т. Гоббса, Дж. Локка, И.Ф. Гербарта, Г. Штейнталя, В.М. Вундта, Ф. Ницше, И.П. Павлова, В.С. Соловьева, С.С. Корсакова, З. Фрейда, Э. Дюркгейма, А. Бергсона, К.-Г. Юнга, Л. Витгенштейна, М. Полани, Г.-Г. Гадамера, В.В. Налимова, М. Лотмана, Дж. Р. Серля, В.М. Аллахвердова, Р.Л. Клацки* и др.

Роль и место ассоциативных связей и отношений в развитии общего языкознания показаны в работах *В. фон Гумбольдта, А.А. Потебни, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Ф. де Соссюра, Н.В. Крушевского, Г. Пауля, Э. Сепира, И. Трира, Р.Г. Пиотровского, А. Вежбицкой.*

Собранные в ходе экспериментов вербальные ассоциации исследовали *Ф. Гальтон, К. Марбе, Г. Кент, А. Розанов, Д.С. Палермо, М. Розенцвейг, Р. Вудвортс, Л. Постмэн, Дж. Диз, Дж. Дженкинс, Ф. Креймер, А.А. Леонтьев, Л.В. Сахарный, А.А. Залевская, Ю.Н. Караулов* и др.

Квантитативная организация ассоциативных полей рассмотрена в трудах *Дж. К. Цинфа, Б. Скиннера, Г.А. Аминова, А.Н. Лебедева, Г.Я. Мартыненко* и др.

Будучи частью внутреннего лексикона, слово выступает в речи не только в качестве «знака» понятия или представления, но и «обрастает» закрепленными за ним и индивидуально возникающими в речи ассоциациями. Значение слова может подвергаться самым различным трансформациям, которые могут быть вызваны и случайными сближениями слова с другими, сходными по звучанию словами, и контекстным переосмыслением, и полисемией [Шмелев 1973].

Переосмысление значения слова происходит вследствие изменения роли ассоциативных «оттенков значения», сопутствующих слову при его разнообразном употреблении.

«Становясь существенными семантическими признаками слова, некоторые из этих «оттенков» в дальнейшем могут приобретать главенствующее положение в семантической структуре слова, – пишет Д.Н. Шмелев. – Именно на комическом недоразумении, основанном на непонимании слушателями терминологического значения произносимых слов, строятся некоторые сценки, изображенные Чеховым, например: «При словах "предложение" и "союз" ученицы скромно потупляют глаза и краснеют, а при словах "прилагательное" и "придаточное" ученики с надеждой взирают на будущее».

Подобные ассоциации, как правило, являются случайными. Так, например, в трилогии А.Н. Толстого «Хождение по мукам» повествуется о том, как восприняла Катя революцию и все, что с ней связано, в частности – новые понятия: «Она ничего не понимала в происходящем! Революция представлялась ей грозовой ночью, опустившейся на Россию. Она боялась некоторых слов: например, совдеп казался ей свирепым словом, ревком – страшным, как рев быка"» [Там же 1973: 100; 202, 254].

Слова естественного языка могут ассоциироваться с другими словами, причем восприятие слов и их ассоциаций индивидуально: одно слово может вызвать у всех одинаковые или сходные ассоциации, другое – совершенно разные, не похожие друг на друга. Одни слова

обладают широким кругом ассоциативных связей, другие вызывают ассоциации в меньшей степени, третьи вовсе не наделены этой способностью. К последним можно отнести незнакомые, неузнаваемые слова, неологизмы, только входящие или недавно вошедшие в употребление, или же архаизмы и историзмы, уже вышедшие из обихода.

Несмотря на достаточную изученность ассоциативных полей, в теоретическом плане до сих пор имеется множество спорных вопросов, связанных с определением онтологического статуса словесных ассоциаций и структуры ассоциативного поля.

Широко распространено мнение, что построенный на семантических связях речевой акт является существенной чертой любого вида языкового общения. Однако, вопреки распространенному представлению, основной единицей языкового общения является не символ, не слово, не предложение и не конкретный экземпляр символа, слова или предложения, а производство этого конкретного экземпляра в ходе совершения речевого акта, основанного на ассоциативных связях слов [Сёрль 1986].

В современном языкознании предметом исследования в рамках полевой теории являются лексические единицы, которые могут объединяться на основе таких принципов, как:

- семантический (общность выражаемого ими значения),
- функциональный (общность выполняемых ими функций)
- функционально-семантический принцип (синтез двух вышеуказанных принципов).

Объединенные на основе этих принципов лексические единицы образуют поля, представляющие собой семантические системные образования с собственной системой связей и отношений. Следует отметить, что в большинстве основанных на лингвистическом принципе исследований, посвященных изучению семантического поля, выделяется его структура, определяется характер семантических отношений между элементами, но не объясняется характер функционирования языковых единиц в языковой деятельности.

Среди системных подходов к изучению лексики выделяется психолингвистический подход, предполагающий изучение ассоциативных полей, которые представляют собой

классические множества, объединенные информатом по ассоциации со словом-стимулом [Абрамов 2001].

Наличие у данного стимула тех или иных ассоциатов, по В.П. Абрамову, в большинстве случаев объясняется структурными связями слова-стимула с его ассоциантами. Возникновение всех стереотипных (социально значимые) вербальных ассоциаций и их закрепление в языковом сознании людей в значительной мере осуществляется под влиянием текстов как естественный результат постоянного существования человека как в мире вещей (*биосфера*), так и в мире слов (*лингвосфера*) [Там же].

Несмотря на то что вопрос ассоциативных полей находится в равной мере в поле зрения и психологов, и лингвистов, в их представлениях о полевой организации языковых единиц наблюдаются определенные расхождения, которые в основном сводятся к вопросам трактовки характера объединения элементов и определения оснований их связи, хотя само наличие связей между изучаемыми единицами принимается представителями обеих наук.

Структура человеческой памяти может иметь множество вариантов внутренней организации. Результатами экспериментов подтверждено, что одним из вариантов внутренней организации памяти является полевая структура.

Интерес лингвистов к ассоциативным полям, в частности к ассоциации слова-стимула, объясняется самой природой языкового значения. Слово как знак связано с обозначаемым прежде всего по ассоциации, причем следует отметить, что на современном уровне развития языка эта связь чаще всего не мотивирована.

Ф. де Соссюр, заложивший основы семиологии и структурной лингвистики, подчеркивает возможность исследования существующих в языке отношений, выделяя два типа: синтагматические и ассоциативные. Синтагматические, как правило, состоят из двух основанных на принципе линейности единиц, что соответствует естественному ходу мыслей и уместно при описании семантических полей [Соссюр 1999].

По мнению ученого, два или несколько последовательно идущих единств, соединяясь друг с другом, вступают между собой в отношения, основанные на линейном характере языка, исключая возможность произнесения двух элементов одновременно. Такие элементы друг за другом выстраиваются в потоке речи.

Одновременно с этим линейный характер означаемого предполагает размещение элементов на временной оси (временная линейность).

Второй тип отношений – ассоциативные. Следует отметить, что количество членов подобных отношений и их последовательность появления в памяти невозможно предсказать. Вне процесса речи слова, которые имеют между собой нечто общее, ассоциируются в памяти, образуя группы, внутри которых обнаруживаются весьма разнообразные отношения.

Ученый считает, что ассоциативные группы, которые образуются в сознании, не могут ограничиваться сближением членов. «Ум схватывает характер связывающих их в каждом случае отношений и тем самым создает столько ассоциативных рядов, сколько есть различных отношений» [Соссюр 1999: 123-128].

Говоря об ассоциативных полях, мы подразумеваем «отражение в сознании индивидуума (как реакции на определенные ключевые слова) сложной системы связей, которая является центром целой семантической сети, актуализирует определенные семантические поля и характеризует важный аспект психологической структуры слова» [Лурия 1998: 109-110].

Термин "ассоциативное поле" введен швейцарским лингвистом Ш. Балли. Ученый считает, что у разных индивидуумов объем ассоциативных групп разный. Он отмечает: «...сущность полностью мотивированного знака состоит в том, что он опирается на одну обязательную *внутреннюю ассоциацию*, а сущность полностью произвольного знака – в том, что он мысленно связывается со *всеми* другими знаками с помощью *факультативных внешних ассоциаций*» [Балли 1955: 154].

Кроме того, Ш. Балли делит ассоциации на ближние и дальние. Существование ближних и дальних ассоциаций, по мнению ученого, можно объяснить тем, что «небо скорее наводит на мысли о звезде, туче, синем и т. д., чем о дороге или доме» [Там же].

Для рассмотрения функционирования ассоциативных полей необходимо прежде всего определить их типологию с учетом структуры поля, степени мотивированности, обязательности и актуальности ассоциаций, а также способа формирования данного поля и сферы его функционирования. В.П. Абрамов в своем труде «Теория ассоциативного поля» предлагает основанную на вышеперечисленных признаках классификацию, согласно которой ассоциативные поля могут быть дифференцированы так:

- общие и персональные – по характеру носителей;
- постоянные (традиционные) и временные – по актуальности;
- простые (элементарные) и сложные – по структуре;
- естественные и искусственные – по способу формирования;
- наивные и научные – по сфере применения;
- обязательные и произвольные – по степени мотивированности ассоциаций

[Абрамов 2001: 124-125].

Ученый отмечает, что некоторые характеристики взаимосвязаны. Так, по его мнению, общие поля одновременно должны быть постоянными, естественными и обязательными, а персональные (кроме того, что они опираются на общие ассоциации) могут быть еще и временными, искусственными и произвольными. Учитывая тот факт, что языковая система находится в процессе постоянного развития, можно предположить, что ассоциативные поля имеют свою динамику, при которой временные связи могут стать постоянными, произвольные – обязательными, искусственные – естественными. И это прежде всего зависит от характера социального и коммуникативного взаимодействия носителей ассоциативных полей [Там же].

В результате постоянной коммуникации и обмена информацией люди подвергают переосмыслению семантику многих слов, вследствие чего трансформируются значения, которые обладают большой коммуникативной активностью, во многом зависящей от ассоциативного восприятия слов носителями языка. Это нередко приводит к изменению когнитивно-информационной значимости слов и образованию новых ассоциаций.

В своем исследовании В.П. Абрамов, выделяя некоторые тематические группы, выявляет закономерную зависимость степени воздействия (уровня восприятия) информации от системы ценностей конкретной языковой личности. Ученый приходит к выводу, что синтагматические связи выступают ближними ассоциациями, а парадигматические дальними.

Согласно В.П. Абрамову, в плане восприятия речи особенности функционирования общих и индивидуальных ассоциативных полей имеют терминалы от «понимания друг друга с полуслова» до «говорения на разных языках». «Причем простейшие, парные ассоциации могут широко варьироваться у разных людей, а вот сложные семантические множества, понятийные

сферы, как правило, имеют довольно большие площади пересечения. Например, слово «стакан» у всех ассоциируется со словом «пить», но у одного человека в первую очередь возникает связь «стакан – вода», у другого – «стакан – пиво», редко у кого ближайшей ассоциацией будет «стакан – посуда» и т. д. Если же поставить испытуемым задачу очертить весь круг связей данного слова, то полученный список у разных людей будет более ли менее сходным» [Абрамов 2001: 124-125].

Подытожив вышесказанное, отметим, что изучение, описание структуры и особенностей функционирования ассоциативно-семантических полей имеет общенаучное значение и находится в поле зрения как лингвистов, так и психологов и философов. На сегодняшний день специалисты еще находятся в самом начале пути исследования этого уникального механизма кооперации человеческого языка и мышления.

3.2. Ассоциативный эксперимент как метод исследования языкового сознания

Лингвистическая наука, как и любая другая развивающаяся область научных исследований, характеризуется процессом смен исследовательских парадигм, что предполагает постоянный поиск действенных методов исследования. В антропоцентрической парадигме современной лингвистики центральное место занимают проблемы изучения языкового сознания и языковой картины мира.

Как отмечали З.Д. Попова и И.А. Стернин, исследование языкового сознания предполагает, что в процессе изучения единиц языка и языковых структур выявляется их психологически реальное содержание – «в каком реальном, «психологически достоверном» наборе семантических компонентов то или иное значение существует в сознании народа, хранится в его языковой памяти, в каких отношениях по яркости и актуальности находятся между собой отдельные смысловые компоненты, образующие семантику слова, каковы реальные смысловые связи слов и структур в языковой памяти человека» [Попова 2003: 43].

На сегодняшний день одним из наиболее популярных методов исследования языкового сознания считается психолингвистический эксперимент. Здесь носитель языка «выступает не

только как информант, сообщающий о своем знании языка, но и как испытуемый со своей системой ценностей и мотивов» [Джамбаева 2013: 17].

Психолингвистический подход к исследованию языкового сознания основывается на понятиях ассоциации и ассоциативного значения слова. Согласно А.А. Залевской, «понятие ассоциативного подхода сформировалось в ходе поисков специфической внутренней структуры, глубинной модели связей и отношений, которая складывается у человека через речь и мышление, лежит в основе «когнитивной организации» ее многостороннего опыта и может быть обнаружена через анализ ассоциативных связей слова» [Залевская 2000: 164].

В психолингвистике ассоциация определяется как «связь между некими субъектами или явлениями, основанная на нашем личном, субъективном, опыте. Опыт этот может совпадать с опытом той культуры, к которой мы принадлежим, но всегда является также и сугубо личным, укорененным в прошлом опыте отдельного человека» [Фрумкина 2001: 289]. Таким образом, при изучении ассоциаций, исследователи обращаются к неосознанному, глубинному слою человеческой психики.

Слово в языке является своеобразным сигналом, оповещающим о существовании определенной связи с тем или иным ассоциатом. М.М. Копыленко отмечает: «Всякое произнесенное, услышанное или прочитанное слово вызывает у человека целый ряд ассоциаций. При всем том, что в ассоциациях немало индивидуального, специфичного для каждого человека, давно отмечено, что у многих людей возникают одинаковые ассоциации, в которых отражаются условия существования тех или иных общественных групп» [Цит. по: Джамбаева 2013: 17].

Одним из наиболее результативных методов изучения ассоциативного значения сегодня по праву считается ассоциативный эксперимент. Данный метод позволяет выявить особенности функционирования языкового сознания индивида. Н.В. Уфимцева предлагает рассматривать ассоциативный метод как «специфичный для данной культуры и языка «ассоциативный профиль» образов сознания, интегрирующий в себе умственные и чувственные знания, которыми обладает конкретный этнос» [Уфимцева 2001: 67].

По словам А.П. Бабушкина, «концептуальную природу слов можно выявить не только путем обращения к словарям, но и с помощью ассоциативных экспериментов» [Бабушкин 1996: 42].

Таким образом, метод ассоциативного эксперимента позволяет выявить доминантные концептуальные представления представителей определенного этнокультурного социума.

Ассоциативный эксперимент служит методом сбора языкового материала для целого ряда современных антропоцентрических исследований, посвященных проблеме взаимосвязи языка и мышления, языка и культуры. Востребованность данного метода обусловлена:

- относительно простой техникой проведения эксперимента (не требуются лабораторные условия и специальная аппаратура);
- возможностью вовлечения большого числа испытуемых (реакции, обнаруженные в ходе ассоциативного эксперимента с участием необходимого числа респондентов, как правило, демонстрируют широкий спектр семантических и формальных связей, реально существующих в сознании носителя языка), спецификой работы со словом (изолированность слова-стимула), исключающей влияние речевого контекста на реакции респондентов и позволяющей исследователю получить максимально достоверные данные о наиболее актуальных признаках стимула.

Ассоциативный эксперимент представляет собой метод, позволяющий выявить ассоциации, сложившиеся в предшествующем опыте носителя конкретного языка.

Согласно классификации Е. Горошко, ассоциативные эксперименты подразделяются на три вида:

- **Свободный ассоциативный эксперимент** (САЭ), в котором испытуемому предлагается ответить словом R (реакция), первым пришедшим в голову при предъявлении слова S (стимул), при этом им не дается никаких ограничений;
- **Направленный ассоциативный эксперимент**, в котором экспериментатор некоторым образом ограничивает выбор предполагаемой R, накладывая определенные ограничения (например, отвечать только существительными и т. д.);
- **Цепной** [Горошко 2001], или **цепочечный** [Белянин 2004], **ассоциативный эксперимент**, в котором испытуемому предлагают ответить любым количеством слов, ничем не ограничивая ни формальные, ни семантические особенности слов [Горошко 2001: 15-17].

Свободный ассоциативный эксперимент – один из старейших методов. Впервые его апробировал английский психолог Френсисо Гальтон в 70-х годах XIX века.

САЭ широко используется в современных лингвистических исследованиях с целью получения языкового материала. Результаты эксперимента выводятся на основе первичных ответов, данных испытуемыми. Совокупность ассоциатов на слово-стимул формирует ассоциативное поле, которое можно считать фрагментом языковой картины мира носителя определенной культуры.

Методика проведения САЭ в достаточной мере разработана и описывается во многих работах по психолингвистике, однако все еще остается нерешенной проблема адекватной интерпретации экспериментальных данных.

Известно, что при анализе результатов ассоциативного эксперимента следует учитывать все характеристики – как количественные, так и качественные.

Посредством количественного анализа можно определить количество реакций на слово-стимул и уровень их стереотипности, а также спрогнозировать вероятность их возникновения.

Согласно Г.А. Мартиновичу, по количественным характеристикам ассоциативные реакции делятся на стереотипные (частотные, наиболее регулярные, стандартные) и единичные (индивидуальные, нестандартные). К стереотипным или стандартным, как правило, относят реакции с частотой встречаемости, равной двум. Они базируются на автоматической актуализации связей, возникающих на основе смежности или сходства и закрепленных в языковом сознании человека главным образом как результат прочитанного или услышанного. Единичные реакции основаны на индивидуальном сближении представлений и понятий по смежности или сходству, в результате чего создаются новые, нетипичные ассоциативные пары [Мартинович 1993].

Качественный анализ основывается на реконструкции структуры ассоциативного поля, определяющейся содержанием и типом ассоциативной связи. Чаще всего для исследователя представляет трудность именно качественный анализ.

В современных исследованиях существует множество классификаций ассоциативных реакций, построенных с учетом психологических, лингвистических, логических связей и т. д.

Е.И. Горошко, подробно проанализировав множество методов классификации реакций,

приходит к выводу, что «проблема качественного анализа результатов САЭ до сих пор остается не вполне решенной, и построение некой идеальной классификации ассоциаций, основанной на некоем непротиворечивом принципе, невозможно и не нужно...», поскольку проблема распределения ассоциаций «по некоторому непротиворечивому основанию оказывается непосредственно связанной с проблемой определения сущности ассоциативной связи» [Горошко 2001: 352-353].

По мнению ученого, «процессы актуализации ассоциаций, происходящие во время проведения САЭ, не могут быть описаны однозначно лингвистическими, логическими, психолингвистическими или философскими категориями. При этом необходимо учитывать, что вкладывается в понятие "ассоциации" – то ли сама словесная реакция, то ли связь, возникающая между стимулом и реакцией, и тогда проводится анализ всей ассоциативной триады» [Там же].

Классификации, в основе которых лежит анализ всех трех компонентов ассоциативной структуры, как правило, позволяют значительно расширить объект исследования и получить максимально объективные результаты.

При классификации ассоциаций испытуемых традиционно принято делить реакции на синтагматические и парадигматические.

К синтагматическим относятся ассоциации, грамматический класс которых отличается от грамматического класса слова-стимула и выражает предикативные отношения (**трав**а – *зеленая*, **дождь** – *идет*, **жить** – *весело* и др.).

Парадигматическими называются ассоциации, представляющие собой слова-реакции, относящиеся к тому же грамматическому классу, что и слова-стимулы (**книга** – *тетрадь*, **сестра** – *брат* и др.).

Отметим, что основы классификации реакций по параметру синтагматики/парадигматики были заложены еще в «ассоциативных» концепциях Ф. Соссюра и А.Н. Крушевского. Однако ряд ученых, занимающихся проблемой интерпретации и классификации реакций, полученных в ходе свободного ассоциативного эксперимента, ставя под сомнение традиционное деление, отмечают сложность сведения словообразовательных или фонетических реакций к парадигме синтагматики/парадигматики в силу ряда причин, констатируемых в ходе проведения ассоциативных экспериментов: несовпадения грамматических форм стимула и реакции;

отнесения стимула или реакции к определенной части речи; пропуска служебного слова и др. [Клименко 1974].

Чарльз Осгуд предлагает дифференцировать ассоциации по созвучию и по значению, отмечая, что решающими должны быть именно семантические признаки [Osgood 1959].

Придерживаясь той же точки зрения, А.П. Клименко выделяет следующие типы ассоциаций:

- фонетические, в которых налицо созвучие между стимулом и реакцией, но не выражено (или очень слабо выражено) семантическое обоснование ассоциации (день – тень, лен – клен);
- словообразовательные, основанные на единстве корня стимула и реакции, но не отражающие четких и однообразных для разных слов семантических отношений между стимулами и реакцией (желтый – желтуха, желтый – желчь);
- парадигматические ассоциации, отличающиеся от стимула не более чем по одному семантическому признаку (стол – стул, высокий – низкий, достать – купить);
- синтагматические ассоциации, составляющие вместе со стимулом подчинительное сочетание (небо – голубое, женщина – красивая, достать – билет, высокий – мужчина);
- тематические (соль – земли, темно – ночь);
- цитатные (старик – море, белый – пароход, дядя – Степа);
- грамматические (стол – стола, бежать – бегать) [Клименко 1974: 49-50].

Дж. Миллер предлагает классифицировать реакции на основе выявленных семантических признаков, или параметров:

- ✓ контраст (мужчина – женщина);
- ✓ сходство (скорый – быстрый);
- ✓ подчинение (животное – собака);
- ✓ соподчинение (собака – кошка);
- ✓ обобщение (огурец – овощ);
- ✓ ассонанс (рот – крот);

- ✓ часть – целое (день – неделя);
- ✓ дополнение (вперед – марш) и т. д. [Цит. по: Шкурская 2007: 47].

Среди множества существующих классификаций особого внимания заслуживает классификация ассоциаций, предложенная А.Р. Лурией. Особенность данной классификации, появившейся в конце 20-х годов прошлого века, заключается в том, что она изначально была разработана для изучения вербального поведения детей.

Эта классификация примечательна также тем, что в ее основе лежит анализ изучения всей ассоциативной связки (триады): стимула – реакции – связи между ними.

Данная классификация учитывает также ассоциативное поведение респондента и стратегию выбора им определенной реакции, т. е. позволяет восстановить ход ассоциативного процесса.

А.Р. Лурия выделяет несколько типов реакций, разделяя их на три большие группы:

- 1) неадекватные реакции (семантическая связь между стимулом и реакцией отсутствует);
- 2) адекватные реакции (между стимулом и реакцией существует семантическая связь);
- 3) собственно ассоциативные реакции (воспроизводится смысловая связь между стимулом и вызванным им представлением) [Лурия 1998].

Каждая группа, в свою очередь, подразделяется на подгруппы, благодаря чему любую полученную реакцию можно отнести к определенному классу. Таким образом, в классификации ученого можно проследить четкую иерархическую организацию.

К месту отметить, что уже в 90-е годы был создан ряд классификаций, авторы которых опирались на концепцию А. Лурии. Эти классификации применяются и сегодня при анализе результатов САЭ.

Проблема интерпретации результатов ассоциативного эксперимента освещена также в ряде работ А.А. Залевской, предлагающей при классификации ассоциативных реакций отталкиваться от гипотезы об уровне строения внутреннего лексикона человека, включающего поверхностный ярус форм и глубинный ярус смыслов.

В зависимости от того, к какому из ярусов обращается информант, различаются следующие уровни идентификации слова:

1) на уровне словоформы, без обращения к значению воспринимаемой единицы (формальные реакции);

2) на уровне значения, посредством актуализации связи между словоформой и единицей глубинного яруса лексикона (семантические реакции) [Залевская 2000].

К промежуточному типу, связывающему оба яруса между собой, относят формально-семантические реакции, которые представляют собой деривационные преобразования стимула. Особое внимание А.А. Залевская обращает на то, что ассоциативный эксперимент эффективен при выявлении и разных аспектов значения, и набора валентностей исследуемого слова, и типичных заполнителей этих валентностей и связей по различным аспектам грамматического значения. Основываясь на этом, исследователь подчеркивает, что ассоциативная связь может быть вызвана разными основаниями и не всегда поддается однозначному толкованию. Исходя из этого А.А. Залевская рассматривает еще несколько классификационных аспектов:

- реализация денотативного значения слова-стимула (деревня – город);
- актуализация референта (деревня – Лужки);
- актуализация некоторого наглядного образа или представления (деревня – лес, гриб);
- эмоциональный компонент значения (война – ужас);
- оценочный компонент значения (добрый – хороший);
- стилистический аспект (говорить – болтать);
- реализация сочетательных потенций исходного слова (голова – седая, думать – долго) [Залевская 2000: 31].

Среди лингвистических классификаций выделяется целая группа классификаций, выполненных на материале онтогенеза (Maršálová 1972; Уфимцева 1983; Береснева 1997), который позволяет глубже понять сущность ассоциативной связи и явления ассоциации.

Л. Маршалова, исследуя развитие структуры субъективного словаря в онтогенезе, классификацию ассоциаций проводит по двум критериям (грамматический и семантический). Грамматическими критериями служат принадлежность слова-стимула к конкретной части речи и возможность связи стимула и реакции в предложении.

На основе указанных критериев Л. Маршаловой выделяются 4 типа реакций:

- 1) парадигматические (“птица – животное”, “сказать – говорить”, “белый – черный”);
- 2) парадигматико-синтаксические (“птица – на скале”, “уметь – читать”);
- 3) синтагматико-синтаксические (“птица – поет”, “искать – истину”);
- 4) грубые синтагматические (“птица – летать”, “шептать – ухо”, “голодный – есть”).

Под классификационные критерии не подпадают и при анализе не учитываются те случаи, когда трудно бывает определить принадлежность реакции к той или иной части речи [Горошко 2001].

Следует отметить, что Л. Маршалова проводит в своем исследовании параллельно и вторую классификацию на основе семантического критерия. Так, автор выделяет следующие группы реакций на стимулы-существительные:

1. суперординации (**птица** – животное);
2. координации (**птица** – рыба);
3. определяющие характеристики, содержащие:
 - характеристику активности (**птица** – летит);
 - дескриптивные атрибуты (**птица** – черная) (эти реакции в большинстве случаев парадигматические, остальные, как правило, синтагматические и синтагматико-синтаксические);
 - (**птица** – перья);
4. определение локализации или локального контакта (**птица** – воздух);
5. переносные или отдаленные по смыслу понятия (**птица** – свобода);
6. субординации (**птица** – орел) [Там же].

На наш взгляд, эти реакции основаны больше на логических, чем на семантических принципах.

В семантической классификации стимулы-глаголы включает связи по:

1. координации (т. е. реакции, входящие в формальный класс парадигматических ассоциаций: **знать** – **уметь**);

2. близкие и отдаленные по смыслу понятия (формально это грубые синтагматические ассоциации с возможностью обозначения псевдопарадигматических ассоциаций: **знать – ум**);

3. синтаксически определенные семантические группы сказуемых отношений, объектных, обстоятельственных отношений (формально входящие в класс синтагматико-синтаксических ассоциаций: **знать – учебный материал**);

4. потенциально подлежащие, сказуемые, объектные, обстоятельственные отношения (входящие в формальный класс грубых синтагматических ассоциаций: **знать – задача**).

Для стимулов-прилагательных автор выделяет следующие группы:

1. Координации (**белый – черный**);
2. Именные отношения (**зеленый – трава**):
 - синонимы, антонимы, близкие и отдаленные по смыслу понятия;
 - различные объекты реальности [Горошко 2001].

Исходя из результатов классификационного анализа, Л. Маршалова приходит к выводу, что активный лексикон включает разные структуры отношений, которые не могут быть сведены к системе логических категорий суперординации, субординации и координации. В свою очередь, в субъективном лексиконе представлены и отношения локализации, дескриптивных атрибутов, характеристики активности и аргументы реляции. Все эти типы отношений формируются в онтогенезе. Для описания развития структуры словаря ребенка противопоставление парадигматических и синтагматических реакций представляется не существенным [Там же].

Большинство исследователей классификацию ассоциаций осуществляют с учетом степени глубины ассоциативного процесса. Сущность этой классификации состоит в выделении следующих типов реакций:

- **Формальные** (семантически немотивированные или звуковые) реакции (по А.Р. Лурия)

В этом случае респондент в процессе ассоциирования не осознает значение исходного слова, а всего лишь опирается на его форму [Лурия 1998].

При такой установке, как отмечает Ж.А. Джамбаева, «в ментальных механизмах испытуемых актуализируются перцептивные признаки, составляющие специфику соответствующей звукобуквенной цепочки и/или акцентной структуры слова. Отсутствие «семантической гипотезы» приводит к поиску другого слова по признаку формально-звукового сходства: **заяц** – *яйца*, **картина** – *тина*, **книга** – *нога*, **рябина** – *рябрь*» [Джамбаева 2013: 20].

- **Формально-семантические** (деривационные) реакции возникают в том случае, когда информанты при идентификации слова опираются на морфему (либо на корень как на носитель лексического значения, либо на аффикс как на носитель грамматического значения). В результате опоры на корневую морфему возникают реакции типа **победа** – *победить*, **окно** – *окошко*, **больной** – *болит*, *боль*; опора на аффиксальную морфему приводит к появлению таких реакций, как **игрушка** – *погремушка*.
- **Семантические** (семантически мотивированные) реакции [Там же].

Появление подобных реакций обусловлено непосредственным обращением к значению исходного слова, они и подразумевают доступ к глубинному ярусу лексикона. В соответствии с этим, последователи А.А. Залевской подразделяют семантические ассоциации на поверхностные (меньшая степень сложности) и глубинные (большая степень сложности). К поверхностным относят лингвистические (синтагматические и парадигматические) реакции, к глубинным – экстралингвистические (тематические).

Детальное изучение существующих классификаций, а также исследований, основанных на данных классификациях, позволяет сделать вывод о том, что практически все проанализированные нами классификации совпадают по следующим параметрам: в каждой из них учитывается характер связи между стимулом и реакцией, в соответствии с чем выделяются определенные признаки, группы или классы, на основе которых производится анализ реакций информантов, участвующих в ассоциативном эксперименте.

Главный принцип разграничения на классификационные типы – принцип формальной (реакции не связаны со стимулом семантически) или семантической (реакции связаны со стимулом семантически) связи.

Привлекает в аспекте проблематики нашего исследования рассмотренное И.М. Кобозевой моделирование ассоциативных полей. Исследователь обращает внимание на тот

факт, что при анализе ассоциативных полей можно увидеть в их составе слова, связанные со словом-стимулом определенными корреляциями (синонимические, антонимические, гипонимические и др.) [Кобозева 2000].

Учитывая вышеизложенное, отметим, что выбор той или иной классификации ассоциативных реакций при анализе результатов эксперимента зависит от цели исследования, от его задач и объема анализируемой информации.

3.3. Ассоциативный эксперимент: описание

Ассоциативный эксперимент проводился в два этапа (с 01.04.2017 г. по 01.07.2017 г. и с 01.02.2018 г. по 01.05.2018 г.) в онлайн-режиме на базе сайта <http://webanketa.com>. В составленной нами анкете респондентам было предложено назвать или описать реакции (ассоциации), которые у них возникают при восприятии слова «удивление». Респонденты прошли цепной ассоциативный эксперимент.

Считаем целесообразным объяснить, чем обусловлен выбор данного вида ассоциативного эксперимента. Традиционным видом ассоциативного эксперимента считается САЭ, в ходе которого респондентам предлагается слово-стимул, к которому они должны дать за короткий период времени одно слово-реакцию.

Исходя из целей настоящего исследования, такой тип ассоциативного эксперимента считаем неэффективным: первое слово-реакция, как правило, связано с наиболее типичными, устойчивыми, учебными ассоциациями. Полученные в ходе такого эксперимента данные, безусловно, полезны, однако они не исчерпывают распространенных концептуальных представлений об исследуемой эмоции.

Цепной ассоциативный эксперимент позволяет углубить понимание концепта «удивление» в сознании носителей концептуальных представлений, зафиксировать все сферы знания, с которыми сопряжено переживание данной эмоции у большинства носителей концептуальных представлений. Учитывая тот факт, что респонденты могут отвечать любым количеством слов, не ограничиваясь ни формальными, ни семантическими особенностями слов, считаем данный метод более эффективным.

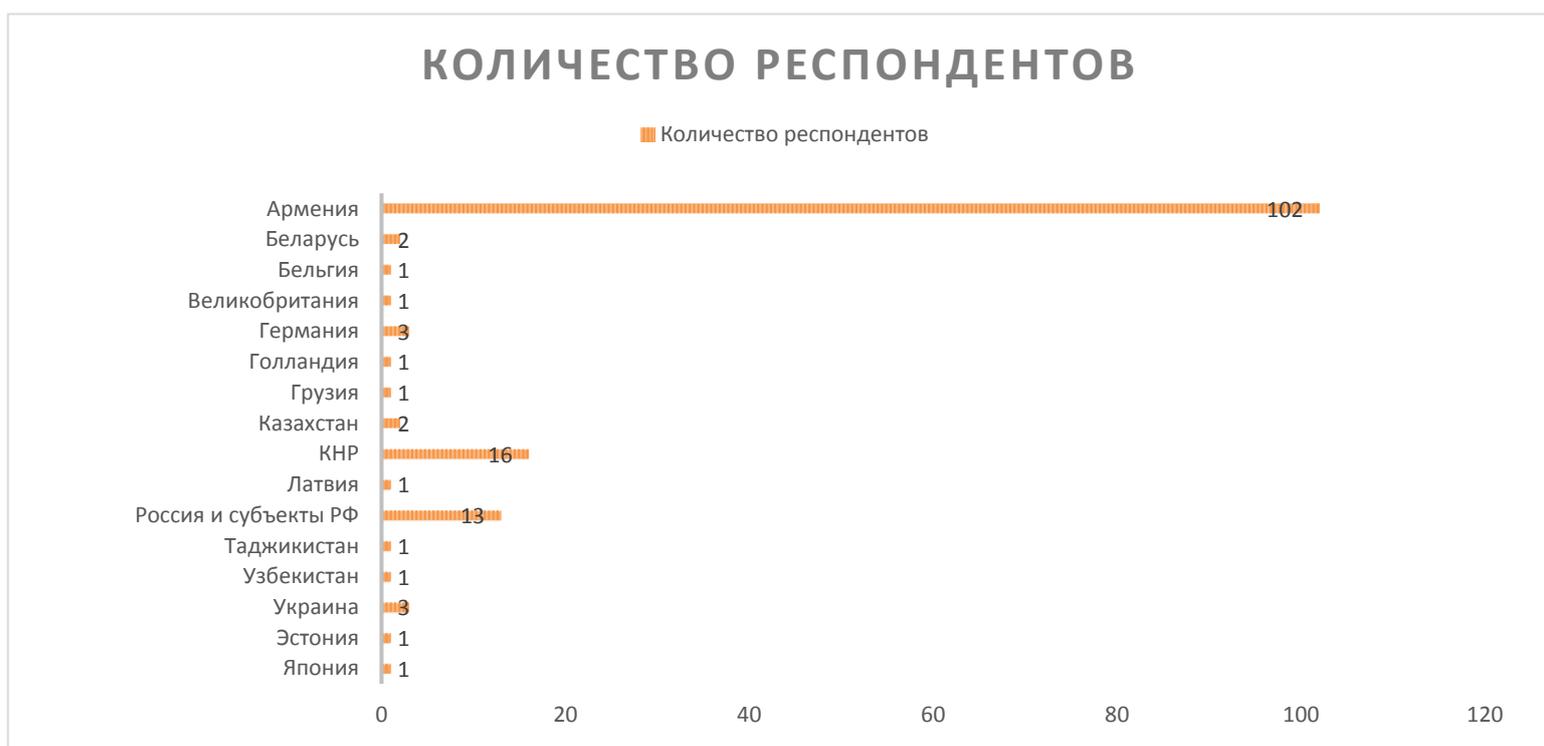
Кроме того, преимущество цепного ассоциативного эксперимента заключается в том, что он позволяет зафиксировать результаты как традиционного ассоциативного опроса с одним словом-реакцией, так и углубленные знания о концептуальных представлениях. Эксперимент позволяет выявить не только ряд абстрактных словарных ассоциаций к концепту «удивление», но и типы эмоционального переживания концептуального содержания.

Кроме того, эксперимент включал сбор необходимых социологических данных, то есть испытуемые должны были сообщить:

- 1) пол;
- 2) возраст;
- 3) род занятий, образование;
- 4) место проживания на момент прохождения эксперимента.

В эксперименте приняло участие 150 респондентов из Армении, Беларуси, Бельгии, Великобритании, Германии, Голландии, Грузии, Казахстана, Китая, Латвии, России, Таджикистана, Узбекистана, Украины, Эстонии, Японии (см. Диаграмму 2).

Диаграмма 2

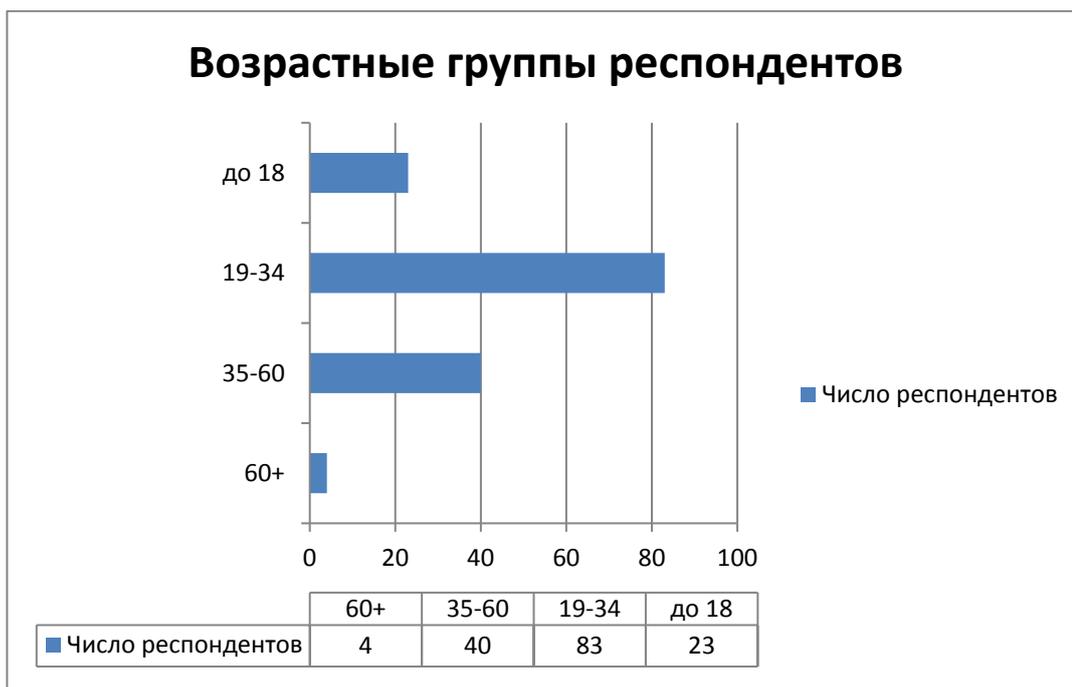

В ходе анализа результатов ассоциативного эксперимента мы воспользовались возрастной классификацией, предложенной Э. Эриксоном.

Классификация учитывает фазы психосоциального развития человека, в частности:

- юность (13-19 лет);
- молодость (19-35 лет);
- зрелость (35-60 лет) – период, когда человек прочно связывает себя с определенным родом занятий;
- старость (от 60 лет) – период, когда основная работа жизни закончилась [Элкинд 1996: 6-22].

Диаграмма 3

3.4. Ассоциативный эксперимент: результаты

Материал, получаемый в результате ассоциативных экспериментов, как правило, позволяет разделить реакции на основе формального и семантического принципов. Однако цепной ассоциативный эксперимент, не ограничивающий респондентов в выборе реакций, не дает возможности распределить все полученные ответы по двум вышеперечисленным категориям. Отметим также, что при анализе ассоциативного поля «Удивление» не удалось установить все связанные со словом-стимулом корреляции по модели, предложенной И.М. Кобозевой.

Так, в ходе ассоциативного эксперимента нами были обнаружены корреляции трех типов из семи существующих (по И.М. Кобозевой):

- синонимическая корреляция (например, удивление-изумление);
- гипонимическая корреляция (например, удивление-эмоция);
- корреляция семантической производности (например, удивление – удивиться) ;
- корреляция несовместимости (не обнаружена);
- корреляция «часть-целое» (не обнаружена);
- антонимическая корреляция (не обнаружена);
- конверсивная корреляция (не обнаружена).

Отсутствие большей части корреляций мы объясняем спецификой исследуемой эмоции. Удивление представляет собой биполярное эмоциональное состояние, поддающееся градации и отличающееся коротким периодом протекания.

Учитывая тематику и задачи данного диссертационного исследования, считаем целесообразным остановиться более подробно на семантической классификации.

Отметим, что при классификации нами не учитывались реакции, относящиеся к категории неадекватных. К их числу мы отнесли ответы типа «реакция нулевая», «нет реакции», «никакая», «не знаю», ответы, данные на английском языке («Pokerface», «Surprise reaction,

«Positiveness», «Fulfillment», «Vision», «Energy», «Beauty», «Life», «Nothing»), а также 7 случаев полного совпадения стимула и реакции.

В общей сложности нами были выявлены 174 адекватные реакции, которые были разделены по принципу узуальности и окказиональности.

Для разделения полученных в ходе эксперимента реакций на семантические группы воспользуемся классификацией, предложенной Ж.А. Джамбаевой [Джамбаева 2013: 17-21].

Согласно указанной классификации, выделяются три типа реакций:

- ✓ реакции как семантические множители;
- ✓ реакции с эмоционально-оценочной коннотацией;
- ✓ реакции, отражающие сферу функционирования объектов.

Взяв за основу работу Ж.А. Джамбаевой, мы модифицировали классификацию, разделив реакции на следующие группы:

1) *Реакции как семантические множители*, позволяющие установить наличие общих семантических компонентов между стимулом и реакцией и отражающие *понятийный компонент* любого концепта или его понятийную составляющую.

Сюда мы отнесли реакции типа «изумление», «недоумение», «эмоция» и т. д.

2) *Реакции, обозначающие каузатор эмоции удивления*.

Наличие в ответах респондентов подобных реакций обусловлено их представлениями о переживании обманутого вероятностного прогноза. В числе реакций, обозначающих каузатор эмоции удивления, отметим следующие: «неожиданность», «необычайность», «сюрприз», «диво», «чудо», «внезапность», «необычное», «новое», «неизведанное», «дивное» и др.

3) *Реакции с эмоционально-оценочной коннотацией*, в которых выражено отношение информантов к предъявленному стимулу.

Установлено, что каждый стимул включает в себя, помимо смыслового содержания, еще и *оценку*, которая, в свою очередь, содержит *эмоцию* «субъективно-оценочное отношение индивида к определенному предмету или явлению» и *чувства* «эмоциональное состояние, равное совокупности X числа эмоций, переживаемых индивидом некоторое

время, т. е. характеризующееся продолжительностью и направленностью на конкретный предмет» [Джамбаева 2013: 33].

В данный тип реакций вошли *оценочные* или *аксиологические стереотипы*, т. е. слова, обозначающие стандартный набор признаков, которые, по представлениям человека или целого социума, должны быть присущи познаваемой действительности (понятию-концепту) или познаваемой личности. Иными словами, этот стандартный набор признаков является общим для большинства членов данного социума.

Реакции с эмоционально-оценочной коннотацией, таким образом, составляют *эмоционально-оценочный* или *ценностный компонент* любого концепта, т. е. служат его *аксиологической составляющей*.

В данную группу мы включили реакции «приятное», «красивое», «позитивные эмоции», «бабочки в животе» и др.

4) *Реакции, отражающие проявления переживания исследуемой эмоции.*

Эти реакции в большинстве своем ориентированы на процессы, происходящие после момента испытания исследуемой эмоции.

К этой группе мы отнесли физиологические реакции типа «поднимаются брови», «расширяются глаза», «улыбка», «изменение выражения лица», «резкий вздох» и др.

5) *Реакции, связанные с возникновением смежных эмоциональных состояний:*
«беспокойство», «восторг», «интерес», «страх» и др.

Отметим, что в количественном отношении преобладают реакции второго, четвертого и пятого типов.

Особый интерес представляют реакции, рассмотренные с точки зрения их узуальности и окказиональности. В этих целях считаем целесообразным воспользоваться классификацией, предложенной В.П. Беляниным [Белянин 2004: 131], который делит ассоциации на клишированные и личные.

Клишированные (узуальные) реакции разграничены на основе материалов **Русского ассоциативного тезауруса**, дающего возможность работать с базой данных крупнейшего ассоциативного эксперимента, проведенного на русском языке в 1988-1997 гг. [<http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php>].

В числе клишированных (узуальные) оказалось 14 реакций к стимулу «удивление»: «неожиданность» (18)¹, «радость» (18), «сюрприз» (10), «шок» (9), «восторг» (6), «изумление» (5), «разочарование» (5), «восхищение» (4), «диво» (2), «чудо» (2), «неожиданное» (2), «непредсказуемость» (1), «приятное» (1), «рот» (1).

Мы намеренно обращаем внимание на временную обусловленность реакций: явления окружающей действительности воспринимаются индивидом и отображаются в его сознании так, что это отображение фиксирует связь между явлениями и эмоциями, вызываемыми данными явлениями, вследствие чего образ мира в сознании каждого индивида с течением времени меняется.

На основе индивидуальных ассоциативных связей формируется общественное сознание. Этим и объясняется существенная разница между характером ассоциаций экспериментов 1988-1997 гг. и 2017 г.

В целях достижения максимально объективного результата при классификации реакций по принципу узуальности/оказиональности мы обратились к некоторым новейшим базам ассоциаций. К таковым относится, например, проект «Сеть словесных ассоциаций» [<https://wordassociations.net>], позволяющий в онлайн-режиме работать с широким спектром ассоциаций.

В основе процесса формирования списка ассоциаций лежит программный модуль, анализирующий классические и современные произведения русской и зарубежной литературы с использованием принципов системного подхода.

Ниже приведены узуальные реакции наших респондентов, представленные также в «Сети словесных ассоциаций»: «радость» (18), «восторг» (6), «разочарование» (5), «восхищение» (4), «возглас» (3), «досада» (2), «огорчение» (2), «недоумение» (2), «восклицание» (2), «возмущение» (2), «неверие» (1), «негодование» (1), «недоверие» (1), «рот» (1), «растерянность» (1).

В аспекте проблематики нашего исследования привлекают внимание материалы интернет-ресурса «Карта слов и выражений русского языка» [<https://kartaslov.ru/>].

Совпадение ассоциаций между материалами *Карты* и проведенного нами

¹ В скобках указана частотность реакций

ассоциативного эксперимента наблюдается в следующих 40 случаях: «неожиданность» (18), «радость» (18), «страх» (10), «сюрприз» (10), «улыбка» (9), «шок» (9), «восторг» (6), «изумление» (5), «интерес» (5), «восхищение» (4), «возглас» (3), «вопрос» (3), «новость» (3), «открытие рта» (3), «эмоция» (3), «диво» (2), «мимика» (2), «ах» (2), «волнение» (3), «неожиданно» (2), «чудо» (2), «возмущение» (2), «восклицание» (2), «недоумение» (2), «эмоции» (2), «смех» (2), «рот» (1), «реакция» (1), «внезапность» (1), «печаль» (1), «ступор» (1), «необычное» (1), «новое» (1), «негодование» (1), «бурные эмоции» (1), «глаза» (1), «мир» (1), «растерянность» (1), «слезы» (1), «смайлы» (1).

В числе личных реакций на стимул «удивление», оказались следующие единицы: «поднятие бровей» (6), «тревога» (4), «расширяются глаза» (3), «смятение» (3), «беспокойство» (3), «поднятые брови» (2), «поднимаю брови» (2), «поднимаются брови» (2), «открытие рта» (3), «большие глаза» (3), «лицемерие» (2), «неординарное» (2), «негативное» (2), «приподнятые брови» (2), «круглые глаза» (2), «анализ» (1), «вдох» (1), «ахать» (1), «бабочки в животе» (1), «высоко поднятые брови» (1), «безразличие» (1), «быстро» (1), «восприятие неожиданного» (1), «восприятие нового» (1), «восторженность» (1), «глаза открываются» (1), «да ну» (1), «движение рук» (1), «делать круглые глаза» (1), «дивное» (1), «доброе» (1), «желание понять» (1), «желание удивить» (1), «желание удивиться» (1), «желание узнать» (1), «задумчивость» (1), «закрыть рот рукой» (1), «заторможенность» (1), «изменение мимики» (1), «изменения выражения лица» (1), «имитация» (1), «красивое» (1), «лицо с высоко поднятыми бровями» (1), «реакция» (1), «неизведанное» (1), «необычайность» (1), «неравнодушный» (1), «ого» (1), «ожидание» (1), «ой» (1), «лоб» (1), «любопытный» (1), «мертвая кошка» (1), «неожиданное» (1), «неожиданное происшествие» (1), «открытие нового» (1), «открытый рот» (1), «отторжение» (1), «офигевать /прост./» (1), «не верить ушам» (1), «непредсказуемость» (1), «неприятие» (1), «ох» (1), «ошеломление» (1), «перемены» (1), «переосмысление реальности» (1), «переоценка мнения» (1), «переоценка позиции» (1), «положительное» (1), «почему» (1), «приоткрытый рот» (1), «слон на площади» (1), «скорость» (1), «резкий вздох» (1), «поднятая бровь» (1), «позитив» (1), «позитивные эмоции» (1), «покачивание головы» (1), «раскрываются глаза широко» (1), «раскрытые глаза» (1),

«рассредоточенность» (1), «расширение глаз» (1), «расширенные глаза» (1), «смеяться» (1), «сомнение» (1), «состояние невесомости» (1), «тут что-то не так» (1), «улыбаться» (1), «улыбнуться» (1), «вскрикивание» (1), «ух» (1), «ухать» (1), «хренеть /прост./» (1), «широко раскрытые глаза» (1), «широко раскрыть глаза» (1), «широкое раскрытие глаз» (1), «эмоциональная окраска» (1), «эмоциональность» (1), «эмоциональный всплеск» (1), «этого не может быть» (1), «вопросительный жест руками» (1), «вот так так» (1), «Вы серьезно?» (1), «Да ты что!» (1), «диву даваться» (1), «задержка дыхания» (1), «Как это?» (1), «концентрация внимания» (1), «Кустурица» (1), «меняется выражение лица» (1), «напряжение» (1), «не может быть» (1), «неожиданная хорошая вещь» (1), «экспромт» (1), «непроизвольная вытянутость лица» (1), «новизна» (1), «округление глаз» (1), «опасность» (1), «приобретение» (1), «приподнятые веки» (1), «приятность» (1), «развести руками» (1), «расширение зрачков» (1), «ребенок с широко раскрытыми глазами» (1), «сердце замерло» (1), «смешно» (1), «трепет» (1), «цены» (1), «шире раскрываются глаза» (1).

Для наглядности представим количественное соотношение клишированных и узуальных реакций.

Диаграмма 4

Отметим, что многие реакции, не содержащиеся в лексикографических источниках, нами были отнесены к числу личных, однако их повторяемость в анкетах разных респондентов, а также наблюдаемая семантическая общность позволяют прийти к выводу о том, что подобные реакции претендуют на статус клишированных и их употребление в ближайшем будущем приобретет узуальный характер.

Анализ результатов ассоциативного эксперимента показал, что реакции, данные респондентами, в большинстве своем ориентированы на процессы, происходящие после момента испытания исследуемой эмоции. Речь идет о физиологических и эмоциональных реакциях, наступающих после момента удивления. Повторяемость и частотность подобных реакций дает возможность определить ядро ассоциативного поля удивления, состоящее из трех тематических групп ассоциаций (См. Диаграмму 5).

Диаграмма 5

Ниже представлены тематические группы, составляющие ядро ассоциативного поля удивления (См. таблицу 2).

Таблица 2

Стимул	Реакция	Группа реакции	Подгруппа реакции
Удивление	<ul style="list-style-type: none"> • <i>большие глаза</i> • <i>глаза открываются</i> • <i>делать круглые глаза</i> • <i>круглые глаза</i> • <i>раскрываются глаза широко</i> • <i>раскрытые глаза</i> • <i>расширяются глаза</i> • <i>расширение глаз</i> • <i>расширенные глаза</i> • <i>широко раскрытые глаза</i> • <i>широко раскрыть глаза</i> • <i>широкое раскрытие глаз</i> 	Мимические	Изменение формы глазной щели
Удивление	<ul style="list-style-type: none"> • <i>лицо с высоко поднятыми бровями</i> • <i>поднимаю брови</i> • <i>поднимаются брови</i> • <i>поднятие бровей</i> • <i>поднятые брови</i> • <i>поднятая бровь</i> • <i>приподнятые брови</i> 	Мимические	Движение бровей
Удивление	<ul style="list-style-type: none"> • <i>открытие рта</i> • <i>открытый рот</i> • <i>приоткрытый рот</i> 	Мимические	Движение рта

Таблица 2 (продолжение)

Удивление	<ul style="list-style-type: none"> • <i>разинуть рот</i> • <i>рот</i> • <i>улыбаться</i> • <i>улыбка</i> • <i>улыбнуться</i> 		
Удивление	<ul style="list-style-type: none"> • <i>ах</i> • <i>ахать</i> • <i>возглас</i> • <i>вскрикивание</i> • <i>восклицание</i> • <i>да ну</i> • <i>ого</i> • <i>ой</i> • <i>ох</i> • <i>резкий вздох</i> • <i>смеяться</i> • <i>ух</i> • <i>ухать</i> 	Просодические	Не имеется
Удивление	<ul style="list-style-type: none"> • <i>безразличие</i> • <i>беспокойство</i> • <i>возмущение</i> • <i>волнение</i> • <i>восторг</i> • <i>восторженность</i> 	Эмоциональные и психические реакции	Не имеется

Таблица 2 (продолжение)

<ul style="list-style-type: none">• <i>восхищение</i>• <i>задумчивость</i>• <i>заторможенность</i>• <i>изумление</i>• <i>интерес</i>• <i>неверие</i>• <i>негодование</i>• <i>недоверие</i>• <i>недоумение</i>• <i>неприятие</i>• <i>неравнодушный</i>• <i>огорчение</i>• <i>ошеломление</i>• <i>печаль</i>• <i>радость</i>• <i>разочарование</i>• <i>рассредоточенность</i>• <i>смятение</i>• <i>сомнение</i>• <i>страх</i>• <i>ступор</i>• <i>тревога</i>• <i>шок</i>		
--	--	--

В заключение считаем целесообразным остановиться на некоторых возрастных особенностях реакций респондентов. Так, например, неадекватные реакции, о которых уже

говорилось выше, были обнаружены в анкетах респондентов возрастной категории 18-34 лет. Наличие подобных реакций, на наш взгляд, объясняется возрастными особенностями информантов, их небольшим жизненным опытом.

Большинством респондентов возрастной группы до 18 лет были даны узуальные реакции-существительные, относящиеся к первой и пятой группам представленной выше классификации.

Реакции респондентов возрастной группы 19-34 лет в большинстве своем ориентированы на кинесические проявления переживания исследуемой эмоции.

Ответы представителей возрастной группы 35-60 лет отличаются оценочностью, отражают биполярность исследуемой эмоции. В анкетах участников эксперимента данной возрастной группы были обнаружены реакции всех пяти отмеченных выше семантических групп.

ВЫВОДЫ ПО III ГЛАВЕ

- Эмоцию удивления характеризуют богатые ассоциативные связи с разнообразными объектами окружающей действительности.
- Структура ассоциативного поля удивления может подвергаться изменениям в зависимости от временного и личностного факторов.
- Появление той или иной ассоциации во многом зависит от возрастного фактора: чем выше возраст информанта, тем меньше вероятность неадекватных реакций.
- В процессе обработки результатов эксперимента выявлено, что самыми частотными являются два типа реакций: реакции как семантические множители, отражающие явление, и реакции, отражающие следствия функционирования исследуемой эмоции.
- Реакции на стимул «удивление» делятся на узуальные и окказиональные (последние составляют большинство).

- Повторяемость в анкетах разных респондентов некоторых реакций, не обнаруженных в числе узуальных, позволяет сделать вывод о том, что подобные реакции претендуют на статус клишированных и их употребление в ближайшем будущем приобретет узуальный характер.

- Большое количество аксиологических ассоциаций подтверждает наличие оценочного компонента в структуре семантики исследуемой эмоции.

- При анализе результатов ассоциативного эксперимента подтвердился тезис об амбивалентности эмоции удивления: в анкетах респондентов в равной степени встречались как положительные, так и отрицательные ассоциации.

- Совпадение между единицами ассоциативного и семантического полей удивления свидетельствуют о высокой степени кинесичности русской лингвокультуры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

- Анализ ряда определений семантического поля свидетельствует о том, что критерием взаимосвязи лексических единиц и их включения в определенную группу служат лексическое значение (различные значения одного слова в случае полисемии), семантический признак, варианты и компоненты значения и многое другое. Общим элементом могут выступать также понятия, ситуации и темы.
- Учитывая лингвистические и психологические особенности выражения исследуемой эмоции, можно выделить следующие универсальные характеристики: удивление – неопределенное амбивалентное эмоциональное состояние, поддающееся градации и имеющее короткий период протекания; удивление стимулирует процесс познания и может иметь заметное физиологическое влияние на человека.
- Кинесические изменения, происходящие с человеком, испытывающим эмоцию удивления, закрепляются в языке и могут использоваться в качестве адмиратива. Подобные лексические и фразеологические сочетания могут иметь как узואальное употребление, так и окказиональное (контекстуальное).
- Результаты проведенного исследования показывают, что адмиративы, имеющие окказиональное употребление, составляют большинство. Причем состав лексики, полученный путем выборки из художественной литературы, значительно богаче словарного списка по количеству номинативных единиц. Считаю необходимым обратить внимание лексикографов на этот факт.
- Частотность встречаемости контекстуальных адмиративов в текстах художественной литературы свидетельствует о том, что употребление некоторых фразеологических единиц носит узואальный характер, но они все еще не зафиксированы в словарях.

- Лексемы кинесического поля удивления характеризуются подвижностью основного значения. Это связано как с эмотивностью, заложенной в основных значениях исследуемых слов, так и с процессами функционирования слов с последующими контекстуальными изменениями, происходящими в основном значении слова. Так, лексические и устойчивые сочетания, изначально не выражающие значение удивления, оказавшись в особом лингвистическом окружении, могут в контексте получить дополнительные семантические характеристики и использоваться в качестве адмиратива. Для части единиц поля характерна семантическая статичность.
- Семантический синкретизм – особенность репрезентации эмоции удивления в языке. На основе анализа 151 контекста мы пришли к выводу, что в кинесическом поле удивления нередко встречается переплетение нескольких значений: адмиративы могут быть выразителями других эмоций. В ходе исследования нами были выявлены следующие модальности, которые в контексте реализовывались параллельно с модальностью удивления: *радость, восхищение, негодование, страх*, обычно вызываемые странностью или непонятностью, необычностью или неожиданностью ситуации.
- Способом идентификации кинесических адмиративов окказионального употребления в художественных текстах служат лексические маркеры, образующие ядро семантического поля «удивление».
- Широкий репертуар мимических, краниальных, мануальных, корпоральных и паралингвистических адмиративов, обнаруженных как в ходе анализа художественной литературы, так и в процессе ассоциативного эксперимента, свидетельствует о высокой степени кинесичности русской лингвокультуры.
- В процессе наблюдения за функционированием в контексте единиц семантического поля «удивление» нашел подтверждение факт об амбивалентности исследуемой эмоции: она не имеет определенного положительного или отрицательного знака.
- Реакции респондентов на стимул «удивление» делятся на пять семантических групп:

- ✓ *реакции как семантические множители, позволяющие установить наличие общих семантических компонентов между стимулом и реакцией и отражающие понятийный компонент любого концепта или его понятийную составляющую;*
- ✓ *реакции, обозначающие каузатор эмоции удивления;*
- ✓ *реакции с эмоционально-оценочной коннотацией, в которых выражено отношение информантов к предъявленному стимулу;*
- ✓ *реакции, отражающие проявления переживания исследуемой эмоции;*
- ✓ *реакции, связанные с возникновением смежных эмоциональных состояний: беспокойства, восторга, интереса, страха и др.*

Выявлено, что в количественном отношении преобладают реакции второго, четвертого и пятого типов.

- В ходе классификации реакций респондентов на стимул «удивление» было обнаружено, что семантические группы ассоциаций поэтапно воспроизводят сценарий переживания исследуемой эмоции.
- Результаты проведенного исследования в своей совокупности указывают на превалирование в эмоции удивления культурного составляющего, что проявляется как в различном количестве и семантике средств его объективации в языке, так и в специфике их дискурсивной активности, особенностях внутренней формы, метафорической и паремиологической интерпретации.
- В ходе исследования было выявлено, что ядро семантического поля «удивление» в русском языке составляют существительные-номинанты: *удивление, недоумение, изумление, ошеломление*, обозначающие разные стадии возникновения и развития исследуемой эмоции, а также все частеречные и словообразовательные реализации номинантов. Присущие ядру и центру свойства представляют собой концентрацию семантических признаков и их максимальную функциональную нагрузку. Зону периферии составляют закрепленные в языке выразительные движения, позволяющие

распознавать эмоцию удивления, фразеологические структуры и метафорические модели, напрямую или косвенно указывающие на переживание эмоции удивления.

- Перспективным, на наш взгляд, представляется рассмотрение семантического поля удивления в сопоставительном аспекте с целью выявления универсальных и национально-специфических черт эмотивной лексики английского, армянского, русского языков.
- Развитие темы мы представляем в применении контент-анализа, позволяющего выявить частотность употребления тех или иных групп адмиративов, а также в расширении языкового материала исследования с целью составления эмотивного и ассоциативного словарей удивления.
- Тема может быть продолжена за счет анализа единиц семантического поля не только на уровне лексической номинации, но и с позиций функционирования в речи, с учетом коммуникативных особенностей носителей русского языка, что позволит в дальнейшем с опорой на приведенное в настоящем исследовании описание выделенного фрагмента русской языковой картины мира выявить особенности употребления адмиративов в реальной речевой коммуникации.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. **Абрамов, В.П.** Теория ассоциативного поля / В.П. Абрамов // Лексикология, фразеология и лексикография русского языка. – М: МГУ, 2001. – С. 124-125.
2. **Абрамов, Н.** Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / Н. Абрамов. – М.: Русские словари, 1999. – 433 с.
3. **Акишина, А.А.** Жесты и мимика в русской речи. Лингвострановедческий словарь / А.А. Акишина, Х. Кано, Т.Е. Акишина. – М.: Русский язык, 1991. – 146 с.
4. **Алексеев, А.В.** Кластер «удивление» в русском и английском языках / А.В. Алексеев, М.Ю. Нечепуренко // V Международная студенческая электронная научная конференция «Студенческий научный форум 2013» – РАЕ (Российская академия естествознания), [Режим доступа: URL: <http://www.scienceforum.ru/2013/2/30/3708>]
5. **Алефиренко, Н.Ф.** Методологические основания исследования проблемы вербализации концепта / Н.Ф. Алефиренко // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. – 2004. – № 2. – С. 60-66.
6. **Алефиренко, Н.Ф.** Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука. 2009. – 288 с.
7. **Антипова, А.М.** Просодия / А.М. Антипова // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 401-402.
8. **Апресян, В.Ю.** Метафора в семантическом представлении эмоции / Ю.Д. Апресян, В.Ю. Апресян // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1993. – № 3. – С. 27-35.
9. **Апресян, Ю.Д.** Избранные труды. Том 1. Лексическая семантика / Ю.Д. Апресян. – М.: Языки русской культуры; Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – 472 с.
10. **Аргайл, М.** Психология счастья / М. Аргайл. – 2-е изд.– СПб.: Питер, 2003. – 271 с.

11. **Арутюнова, Н.Д.** Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
12. **Бабушкин, А.П.** Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А.П. Бабушкин. – Воронеж, 1996. – 103 с.
13. **Балли, Ш.** Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М.: Изд. иностр. литер., 1955. – 416 с.
14. **Башарина, А.К.** Понятие "семантическое поле" / А.К. Башарина // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – Якутск, 2007. – Т. 4. – № 1. – С. 93-96.
15. **Белянин, В.П.** Психоллингвистика: учебник / В.П. Белянин. – М.: Флинта: Московский психологосоциальный институт, 2004. – 232 с.
16. **Береснева, Н.И.** Модель внутреннего лексикона в позднем онтогенезе (ассоциативный эксперимент) : дисс... канд. филол. наук : 10.02.19 / Береснева Наталья Ириковна. – Пермь, 1997. – 215 с.
17. **Бодуэн де Куртенэ, И.А.** Избранные труды по общему языкознанию / И.А. Бодуэн де Куртенэ. – М., 1963. – Т. I. – 384 с.
18. **Бодуэн де Куртенэ, И.А.** Избранные труды по общему языкознанию / И.А. Бодуэн де Куртенэ. – М., 1963. – Т. II. – 390 с.
19. **Большой толковый словарь русского языка** [Электронный ресурс] / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. URL: http://all_words.academic.ru. (дата обращения: 08.05.2018).
20. **Большой фразеологический словарь русского языка.** Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Ответственный редактор В.Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.

21. **Бондарко, А.В.** Теория значения в системе функциональной грамматики (на материале русского языка) / А.В. Бондарко. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 736 с.
22. **Боровикова, Н.А.** Полевые структуры в системе языка / Н.А. Боровикова. – Воронеж, 1989. – 197 с.
23. **Брудный, А.А.** Семантика языка и психология человека (о соотношении языка, сознания и действительности) / А.А. Брудный. – Фрунзе, 1972. – 234 с.
24. **Брутян, Л.Г.** Говорим, не говоря (Невербальная коммуникация в разных культурах) / Л.Г. Брутян – Ереван: Изд-во ЕГУ, 2015. – 76 с.
25. **Брызгунова, Е.А.** Звуки и интонация русской речи / Е.А. Брызгунова. – М.: Русский язык, 1977. – 194 с.
26. **Брызгунова, Е.А.** Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи / Е.А. Брызгунова. – М.: Изд-во Московского университета, 1984. – 84 с.
27. **Вайсгербер, Л.** Родной язык и формирование духа / Л. Вайсгербер. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 323 с.
28. **Васильев, И.А.** Эмоции и интеллект / И.А. Васильев, Ю.Е. Виноградов, А.А. Виноградова // Искусственный интеллект и психология. – М.: Наука, 1976. – С. 133-227.
29. **Вежбицкая, А.** Семантические универсалии и "примитивное мышление" / А. Вежбицкая // Язык. Культура. Познание. – М., 1996. – С. 291-325.
30. **Вендина, Т.И.** Семантика оценки и ее манифестация средствами словообразования / Т.И. Вендина // Славяноведение. – М., 1997. – №4. – С. 41-42.
31. **Вердиева, З.Н.** Семантические поля в современном английском языке: учеб. пособие для пед. ин-тов по спец. 2103 "Иностр. яз." / З.Н. Вердиева. – М.: Высш. шк., 1986. – 118 с.

32. **Вольф, Е.М.** Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – Изд. 2-е, доп. – 280 с.
33. **Воркачев, С.Г.** К семантическому представлению дезиративной оценки в естественном языке / С.Г. Воркачев // Вопросы языкознания. – М., 1990. – №4. – С. 86-92.
34. **Воркачев, С.Г.** «Первая из всех страстей»: адмиративная оценка и средства ее выражения в испанском языке / С.Г. Воркачев // Известия РАН. – М., 1992. – №2. – С. 81-89.
35. **Воркачев, С.Г.** Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филологические науки. – М.: МИОО, 2001. – №1. – С. 64-72.
36. **Гак, В.Г.** К проблеме гносеологических аспектов семантики слова / В.Г. Гак // Вопросы описания лексико-семантической системы языка: тез. докл. науч. конф., Москва, 16–18 ноября 1971 г. : в 2 ч. / Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз.; отв. ред. А.А. Санкин. – М., 1971. – Ч. 1. – С. 95-98.
37. **Горелов, И.Н.** Безмолвный мысли знак. Рассказы о невербальной коммуникации / И.Н. Горелов, В.Ф. Енгальчев. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 240 с.
38. **Городецкий, Б.Ю.** К проблеме семантической типологии / Б.Ю. Городецкий. – М.: Издательство Московского университета, 1969. – 563 с.
39. **Горошко, Е.И.** Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента / Е.И. Горошко. – Харьков: Ра-Каравелла, 2001. – 320 с.
40. **Горошко, Е.И.** Языковое сознание : Ассоциативная парадигма : дисс. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Горошко Елена Игоревна. – М., 2001. – 287 с.
41. **Грдзелян, Р.Р.** Слово в словаре и дискурсе. Методы описания / Р.Р. Грдзелян. – Ереван: Эдит Принт, 2009. – 360 с.

42. **Грдзелян, Р.Р.** Слово в ореоле смысла / Р.Р. Грдзелян. – Ереван: Эдит Принт, 2007. – 360 с.
43. **Гумбольдт В. фон.** Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 400 с.
44. **Денисенко, В.Н.** Семантическое поле как лексическая категория и метод анализа языка / В.Н. Денисенко // Вестник РУДН. Сер. Лингвистика. – М.: Издательство РУДН, 2002. – № 3 – С. 48-55.
45. **Денисенко, В.Н.** Семантическое поле «изменение» в русской языковой картине мира: Структурный, функциональный, когнитивный аспекты : дисс. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Денисенко Владимир Никифорович. – М., 2005. – 337 с.
46. **Джамбаева, Ж.А.** Ассоциативный эксперимент: методологические основы / Ж.А. Джамбаева. – Астана: Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ Хабаршысы. – 2013. №1 (92). – 19 с.
47. **Дорофеева, Н.В.** Удивление как эмоциональный концепт (на материале русского и английского языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Дорофеева Наталия Владимировна. – Краснодар, 2002. – 190 с.
48. **Ефремова, Т.Ф.** Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный [Электронный ресурс] / Т.Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 2000. URL: <https://www.efremova.info/letter/+i.html?page=10> (дата обращения: 17.05.2018).
49. **Жеребило, Т.В.** Словарь лингвистических терминов / Т.В. Жеребило // 5-е изд., испр. и доп. – Назрань: Пилигрим, 2010. – 486 с.
50. **Залевская, А.А.** Введение в психолингвистику / А.А. Залевская. – М.: РГТУ, 2000. – 566 с.
51. **Звегинцев, В.А.** Теоретическая и прикладная лингвистика / В.А.Звегинцев. – М.: Просвещение. 1967. – 338 с.

52. **Изард, К.Э.** Психология эмоций / К.Э. Изард. – СПб.: Питер. – 474 с.
53. **Ильин, Е.П.** Эмоции и чувства / Е.П. Ильин. – СПб.: Питер, 2001. – 752 с.
54. **Ильина, Е.В.** Языковое сознание как макроуровень репрезентации концептов / Е.В. Ильина // Современные научные исследования и инновации, 2015. – № 12 – [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2015/12/60599> (дата обращения: 15.05.2018).
55. **Караулов, Ю.Н.** Общая и русская идеография / Ю.Н. Караулов. – М., 1976. – 356 с.
56. **Клименко, А.П.** Лексическая системность и ее психолингвистическое изучение / А.П. Клименко. – Минск: МГПИИЯ, 1974. – 108 с.
57. **Кобозева, И.М.** Лингвистическая семантика: Учебное пособие / И.М. Кобозева. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
58. **Корлыханова, Е.Л.** Взаимодействие просодических и кинесических средств в выражении эмоциональных значений радости, гнева, удивления в сценической речи (на материале английского языка) : дисс... канд. филол. наук : 10.02.04 / Корлыханова Елена Леонидовна. – М., 2000. – 178 с.
59. **Корнакова, Е.С.** Системное изучение лексики методом семантического поля / Е.С. Корнакова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – М.: Издательство РУДН, 2015. – № 4. – С. 170-175.
60. **Крейдлин, Г.Е.** Семантические типы жестов / Г.Е. Крейдлин. // Лики языка. – М.: Наследие, 1998. – С. 174-184.
61. **Крейдлин, Г.Е.** Национальное и универсальное в семантике жеста / Г.Е. Крейдлин // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. – М.: Изд-во «Индрик», 1999. – С. 170-185.

62. **Крейдлин, Г.Е.** Кинесика. / С.А. Григорьева, Н.В. Григорьев, Г.Е. Крейдлин // Словарь языка русских жестов. – Москва – Вена: Языки русской культуры; Венский лингвистический альманах, 2001. – С. 166-248.
63. **Крейдлин, Г.Е.** Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык / Г.Е. Крейдлин. – М.: НЛЮ, 2002. – 581 с.
64. **Кронгауз, М.А.** Семантика: Учебник для студ. лингв, фак. высш. учеб. заведений / М.А. Кронгауз. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 352 с.
65. **Кузнецов, А.М.** Структурно-семантические параметры в лексике: на материале английского языка / А.М. Кузнецов. – М.: Наука, 1980, – 161 с.
66. **Кузнецов, А.М.** Поле / А.М. Кузнецов. // Лингвистический энциклопедический словарь – М.: «Советская энциклопедия», 1990. – 685 с.
67. **Лазариди, М.И.** Психические состояния в полевом описании: номинативно-функциональный аспект / М.И. Лазариди // Монография. – М.: МПСИ, 2010. – 312 с.
68. **Левицкий, В.В.** Семасиология: монография / В.В. Левицкий. – Изд. 2-е, исправл. и дополн. – Винница: Нова кн., 2012. – 680 с.
69. **Леонтьев, А.А.** Язык, речь, речевая деятельность / А.А. Леонтьев. – М.: Издательство, 1969. – 216 с.
70. **Леонтьев, А.Н.** Проблемы развития психики / А.Н. Леонтьев. – М.: Унта, 1992. – 575 с.
71. **Лурия, А.Р.** Язык и сознание / А.Р. Лурия – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 336 с.
72. **Мадоян, В.В.** Значение и мысль в статике и динамике двух языков / В.В. Мадоян. – М.: Совпадение, 2016. – 287 с.
73. **Мартинovich, Г.А.** Опыт комплексного исследования данных ассоциативного эксперимента / Г.А. Мартинovich // Вопросы психологии. – 1993. – № 2. – С. 93-99.

74. **Матевосян, Л.Б.** Языковое сознание: стереотипный пласт / Л.Б. Матевосян // Монография. – М., Ереван. Институт языкознания РАН; Авторское издание, 2007. – 72 с.
75. **Мезенцева, Т.А.** Функциональные особенности репрезентации удивления в английском и русском языках: На материале прозы Чарльза Диккенса оригинальных и переводных вариантов : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Мезенцева Татьяна Александровна – Екатеринбург, 2005. – 250 с.
76. **Мечковская, Н.Б.** На семиотическом перекрестке: мотивы движений тела в невербальной коммуникации, в языке и метаязыке / Н.Б. Мечковская // Языки динамического мира. – Дубна: Международный университет природы, общества и человека «Дубна», 1999. – С. 376-393.
77. **Михельсон, М.И.** Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Т.Т. 1-2. Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов / М.И. Михельсон. – СПб., Типография Академии наук, 1896-1912. [Электронный ресурс]. URL: http://all_words.academic.ru. (дата обращения: 08.05.2018).
78. **Мокиенко, В.М.** Большой словарь русских поговорок / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина // Под общей редакцией проф. В. М. Мокиенко. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с.
79. **Муллагаянова, Г.С.** Полевые подходы к изучению эмоций в лингвистике [Электронный ресурс] / Г.С. Муллагаянова// Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 29 (210). Филология. Искусствоведение. Вып. 47. – С. 103-106. URL: <http://www.lib.csu.ru/vch/210/020.pdf>

80. **Мягкова, Е.Ю.** Некоторые новые тенденции в исследовании эмотивной лексики / Е.Ю. Мягкова // Психолингвистические исследования: звук, слово, текст: межвуз. тематический сб. науч. тр. – Калинин: Калининский гос. ун-т., 1987. – С.76-81.
81. **Никитина, С.Е.** Генетический метод анализа сознания в психолингвистике / С.Е. Никитина // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности: матер. XV Междунар. симп. по психолингвистике и теории коммуникации. – М.; Калуга, 2006. – С. 199-201.
82. **Ожегов, С.И.** Толковый словарь русского языка: 80.000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова // 4-е изд., доп. – М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.
83. **Покровская, В.А.** Мимика гнева и ее вербальное отображение в текстах художественных произведений / В.А.Покровская // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: Сб. науч. тр. ВГПУ; СГУ. – Волгоград: Перемена, 1998. – С. 110-116.
84. **Поливанов, Е.Д.** Избранные работы. Статьи по общему языкознанию / Е.Д. Поливанов. – М.: «Наука», 1968. – 376 с.
85. **Попова, З.Д.** Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж, 2003. – 191 с.
86. **Потебня, А.А.** Мысль и язык / А.А. Потебня // Слово и миф. – М.: Правда, 1989. – 200 с.
87. **Пражский лингвистический кружок:** Сборник статей. – М., 1967. – 560 с.
88. **Привалова, И.В.** Константная вариативность (опыт лингвистического исследования национально-культурных ценностей) / И.В. Привалова // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. – М.: МАКС Пресс, 2002. – Вып. 22. – 136 с.
89. **Рубцов, И.Н.** Семантические поля как способ реализации языковых картин мира [Текст] / И.Н. Рубцов // Известия Российского государственного педагогического

- университета имени А.И. Герцена. Аспирантские тетради [Текст]. – СПб., 2008. – № 26(60). – С.231-236.
90. **Саркисян, И.Р.** Проблема эквивалентности русских и армянских фразеологизмов, выражающих чувства и эмоции, в ракурсе минимизации рисков недопонимания в межкультурном диалоге / И.Р. Саркисян // Инновационная наука – Уфа, 2017. – №8. – С. 47-53.
91. **Светозарова, Н.Д.** Интонация в художественном тексте / Н.Д. Светозарова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. – 180 с.
92. **Сепир, Э.** Язык / Э. Сепир // Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1993. – 656 с.
93. **Сёрль, Дж. Р.** Что такое речевой акт? / Дж.Р. Сёрль // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. – М., 1986. – С. 151-169.
94. **Словарь многих выражений.** 2014 [Электронный ресурс]. URL: http://all_words.academic.ru. (дата обращения: 08.05.2018).
95. **Словарь синонимов русского языка:** в 2-х т. / ред. А.П. Евгеньева // Т.1: А-Н. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1970. – 680 с.
96. **Словарь синонимов русского языка:** в 2-х т. / ред. А.П. Евгеньева // Т.2: О-Я. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1971. – 856 с.
97. **Словарь русского языка:** в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. [Электронный ресурс]. URL: http://all_words.academic.ru. (дата обращения: 08.05.2018).
98. **Смирнова, Н.И.** Сопоставительное описание элементов русской и английской кинетической коммуникации / Н.И. Смирнова // В кн.: Национально-культурная специфика речевого поведения. – М.: Наука, 1977. – С. 210–247.
99. **Соссюр де Фердинанд.** Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1999. – 432 с.

100. **Степанова, М.И.** Фразеологический словарь русского языка / М.И. Степанова. – СПб.: Виктория плюс, 2009. – 608 с.
101. **Стернин, И.А.** Коммуникативное и когнитивное сознание / И.А. Стернин // С любовью к языку: сборник научных трудов. – М.; Воронеж, 2002. – С. 44-51.
102. **Сутужко, В.В.** Структура, принципы и классификация понятия "оценка" / В.В. Сутужко // Эпистемология и философия науки. – 2008. – Т. XVIII – №4. – С. 108-124.
103. **Тарасов, Е.Ф.** Языковое сознание – перспективы исследования / Е.Ф. Тарасов // Языковое сознание: содержание и функционирование: матер. XIII Междунар. симп. по психолингвистике и теории коммуникации. – М., 2000. – С. 3-4.
104. **Тарланов, З.К.** Методы и принципы лингвистического анализа / З.К. Тарланов. – Петрозаводск, 1988. – 84 с.
105. **Толковый словарь русского языка:** В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1. М., 1935; Т. 2. М., 1938; Т. 3. М., 1939; Т. 4, М., 1940. [Электронный ресурс]. URL: http://all_words.academic.ru. (дата обращения: 08.05.2018).
106. **Уфимцева, Н.В.** Опыт экспериментального исследования развития словесного значения: Психолингвистические проблемы семантики / Н.В. Уфимцева. – М., 1983. – С. 140-180.
107. **Уфимцева, Н.В.** Сопоставительное исследование языкового сознания славян / Н.В. Уфимцева // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001. – С. 65-71.
108. **Уфимцева, Н.В.** Взаимодействие культур и языков: теория и методология / Н.В. Уфимцева // Встречи этнических культур в зеркале языка. – М.: Наука, 2002. – С. 152-170.

109. **Уфимцева, Н.В.** Язык, языковое сознание и образ мира / Н.В. Уфимцева // ... Слово отзовется: памяти Аллы Соломоновны Штерн и Леонида Вольковича Сахарного. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2006. – С. 112-114.
110. **Уфимцева, Е.И.** Социальное пространство моно- и мультикультурной коммуникации / Е.И. Уфимцева. – М.: Наука, 2007. – С. 50-60.
111. **Учебный фразеологический словарь русского языка** / Е.А. Быстрова, А.П. Окунева, Н.М. Шанский. – М.: АСТ, 1998. – 289 с.
112. **Ушинский, К.Д.** Избранные педагогические сочинения в 2-х т. Т.1 / К.Д. Ушинский. – М.: Педагогика, 1974. – 520 с.
113. **Фасмер, М.** Этимологический словарь русского языка: Пер. с нем. (с доп.) / М. Фасмер. – М.: Прогресс, 1973. – Т. 4. – 855 с.
114. **Фёдоров, А.И.** Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13.000 фразеологических единиц / А.И. Фёдоров. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 878 с.
115. **Филлмор, Ч.** Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С. 52–92.
116. **Фразеологический словарь русского языка** / под ред. Т.В. Волковой. – М.: Просвещение, 2014. – 463 с.
117. **Фразеологический словарь русского языка : свыше 4000 словарных статей** / Под ред. А.И. Молоткова; Сост. Л.А.Войнова; В.П. Жуков; А.И. Молотков; А.И. Фёдоров – 4-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1986. – 543 с.
118. **Фрумкина, Р.М.** Психолингвистика / Р.М. Фрумкина. – М.: Академия, 2001. – 189 с.

119. **Хачикян, А.Я.** Культура общения и речевой этикет как главные составляющие межнационального общения / А.Я. Хачикян, А.Э. Бекларян. // Русский язык в Армении. – Ереван, 2013 – №3 (80) – С. 3-10.
120. **Шарандин, А.Л.** Собирательные формы существительного в аспекте концептуализации действительности и категоризации языка / А.Л. Шарандин // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: сб. науч. тр. Вып. 6. / – М.: Архангельск, 2013. – С. 240-249.
121. **Шафиков, С.Г.** Теория семантического поля и компонентной семантики его единиц: учебное пособие / С.Г. Шафиков. – Уфа, 1999. – 88 с.
122. **Шаховский, В.И.** Отражение эмоций в семантике слова / В.И. Шаховский // Изв. РАН – М., 1987. – Т. LXV. – С. 237–243.
123. **Шаховский, В.И.** Лингвистическая теория эмоций / В.И. Шаховский // Монография. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.
124. **Швецова, В.М.** Голографические модели семантики слова в художественном тексте: лингвокоммуникативный аспект: дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Швецова Виктория Михайловна. – Тамбов, 2015. – 497 с.
125. **Шкурская, Н.М.** Классификация семантических отношений в ассоциативных структурах / Н.М. Шкурская // Межкультурная коммуникация и профессионально-ориентированное обучение иностранным языкам: материалы I Международной научной конференции, посвященной 86-летию образования Белорусского государственного университета, Минск, 30 октября 2007 г. – Минск: БГУ, 2007. – С. 46-50.
126. **Шмелев, Д.Н.** Проблемы семантического анализа лексики: на материале русского языка / Д.Н. Шмелев. – Москва: Наука, 1973. – 280 с.
127. **Щур, Г.С.** Теория поля в лингвистике / Г.С. Щур. – М., 1974. – 255 с.

128. **Экман, П.** Узнай лжеца по выражению лица / П. Экман – СПб: Питер, 2010. – 272 с.
129. **Элкинд, Д.** Эрик Эриксон и восемь стадий человеческой жизни / Д. Элкинд. – М.: Когито-центр, 1996. – 16 с.
130. **Якубинский, Л.П.** О диалогической речи. V Русская речь / Л.П. Якубинский. – Пг.: Изд-во фонет. ин-та практ. изуч. иностр. яз., 1923. – С. 68-81.
131. **Яранцев, Р.И.** Русская фразеология. Словарь-справочник: Около 1500 фразеологизмов / Р.И. Яранцев. – М.: Рус. яз., 1997. – 845 с.
132. **Aitchison J.** Words in the mind: introduction to a mental lexicon. – Oxford: Basil Blackwell, 1987. – 158 p.
133. **Kövecses Z.** Emotion Concepts. N.Y: Springer-Verlag, 1990. – 230 p.
134. **Lakoff G, Johnson M.** Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1990. – 272 p.
135. **Maršálová L.** Slovo-asociačnénormy: 1– 4. trieda ZDŠ. Bratislava: Univerzita Komenského, 1972. – 266 s.
136. **Osgood, C.E.** Semantic space revisited. Word, 1959. – P 195-200.
137. **Wierzbicka A.** Emotions across languages and cultures: Diversity and universals. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 347 p.
138. **Wierzbicka A.** Semantics, Culture and Cognition. Universal Human Concepts in Cultural-specific Configurations. N.Y.; Oxford, 1992. – 487 p.

ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКИ

139. **Электронный Лингвистический энциклопедический словарь** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lingvisticheskiy-slovar.ru/> свободный (дата обращения 15.05.2018).
140. **Энциклопедия русского языка** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russkiyuzik.ru/> свободный (дата обращения: 15.05.2018).

141. **Универсальная научно-популярная энциклопедия** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.krugosvet.ru/> свободный (дата обращения: 15.05.2018).
142. **Национальный корпус русского языка** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/> свободный (дата обращения 01.03.2018).
143. **Поиск книг Google** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://books.google.ru/> свободный (дата обращения 01.03.2018).
144. **Библиотека электронных книг ЛитРес** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.litres.ru/> свободный (дата обращения 15.05.2018).
145. **Официальный сайт РАУ** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rau.am/rus/> свободный (дата обращения: 01.03.2018).
146. **Русский ассоциативный тезаурус** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tesaurus.ru/dict/dict.php/> свободный (дата обращения 01.03.2018).
147. **Сеть словесных ассоциаций** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wordassociations.net/> свободный (дата обращения 01.03.2018).
148. **Русская фантастика. Книжная полка** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://books.rusf.ru/> свободный (дата обращения 15.05.2018).
149. **Карта слов и выражений русского языка** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kartaslov.ru/> свободный (дата обращения 15.05.2018).
150. **Крупный сервис дневников и сообществ** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.liveinternet.ru/> свободный. (дата обращения 15.05.2018).
151. **Библиотека книг** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.libtxt.ru/> свободный (дата обращения: 15.05.2018).
152. **Сайт материалов для студентов** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://studall.org/> свободный (дата обращения: 15.05.2018).

153. **Электронная библиотека** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rulit.me/> свободный (дата обращения: 15.05.2018).
154. **Электронная библиотека** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.litmir.me/> свободный (дата обращения: 15.05.2018).
155. **Библиотека "Полка букиниста"** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://polbu.ru/> свободный (дата обращения: 15.05.2018).
156. **Электронная библиотека** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://modernlib.ru/> свободный (дата обращения 15.05.2018).
157. **Блог-платформа для ведения онлайн-дневников (блогов)** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.livejournal.com/> свободный (дата обращения: 15.05.2018).
158. **Книга фанфиков. Рассказы о любимых персонажах** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ficbook.net/> свободный (дата обращения: 15.05.2018).
159. **Онлайн библиотека** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://book-cafe.ru/> свободный (дата обращения: 15.05.2018).
160. **Большая онлайн библиотека** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.e-reading.club/> свободный (дата обращения: 15.05.2018).
161. **Электронная библиотека** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iknigi.net/> свободный (дата обращения: 15.05.2018).
162. **Стихи и сказки для детей** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.uhtyshka.com.ua/> свободный (дата обращения: 15.05.2018).
163. **Одесский юмористический журнал** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fontan-humor-odessa.com/> свободный (дата обращения: 15.05.2018).
164. **Крупнейший российский литературный портал** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.proza.ru/> свободный. (дата обращения: 15.05.2018).

165. **Электронная библиотека фантастики** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fanread.ru/> свободный (дата обращения: 15.05.2018).